

СЕРИЯ XII 1965

11

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ
И РЕЛИГИЯ

**ПСИХОЛОГИЯ
РАЗВЕНЧИВАЕТ
«БЕССМЕРТНУЮ
ДУШУ»**

ПСИХОЛОГИЯ
РАЗВЕНЧИВАЕТ
«БЕССМЕРТНУЮ
ДУШУ»

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1965

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
А. Попов. Психология веры	3
П. Симонов. Что такое эмоция	17
К. Ламонт. Иллюзия бессмертия	31

Сборник статей

Редактор *К. К. Габова*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *М. Т. Перегудова*
Обложка *И. А. Москвитина*
Корректор *Р. С. Колокольчикова*

Сдано в набор 5/VIII 1965 г. Подписано к печати 6/IX 1965 г.
Изд. № 237. Формат бум. 60×90¹/₁₆. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0
Уч.-изд. л. 2,91. А 01394. Цена 9 коп. Тираж 38 700. Зак. 2628.

Опубликовано тем. план. 1965 г. № 266.
Издательство «Знание». Москва, Центр,
Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., 3/4.

А. Попов

ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ

Это случилось на заводском дворе одного из эвакуированных на Урал предприятий. Пожилую женщину ударило по голове доской, торчавшей из кузова автомашины. В бессознательном состоянии ее доставили в больницу, и там в бреду она стала произносить никому не понятные слова.

Время было военное, и запись этих слов отправили на экспертизу в Москву. Вскоре пришел ответ, из которого следовало, что непонятные слова являются не чем иным, как отрывками из стихов Горация и Вергилия на латинском языке!

Стали выяснять, откуда женщина, которая всю жизнь работала уборщицей, знакома с подлинниками классической поэзии? И что же оказалось? В детстве вместе с матерью она бывала в квартире одного профессора, знатока древнегреческой и древнеримской литературы. Когда убирала в кабинете, профессор имел обыкновение, сидя в кресле, читать вслух стихи Горация и Вергилия. Девочка в это время играла со своей куклой. Конечно, она не понимала смысла читаемых стихов.

И вот теперь, в результате чисто механического воздействия на мозг — удара по голове, память вдруг оживилась настолько, что женщина бессознательно воспроизвела услышанное ею пятьдесят лет назад!

Аналогичные случаи наблюдаются и во время хирургического вмешательства в нервную ткань мозга. Такие явления — яркое свидетельство того, что для человека ничто не проходит бесследно, и решительно все воздействия внешнего мира запечатлеваются в его мозгу.

Как-то был проведен такой эксперимент. Во время демон-

страции кинофильма проецировали на экран слова «Берите желтый билет». Слова мелькали между кадрами так быстро, что их невозможно было прочесть и осознать. Потом каждый из зрителей должен был ответить на вопросы, касающиеся кинокартины. Вопросы были написаны на цветных билетиках. И зрители, все до единого, взяли только желтые билетики.

Когда на экране таким же образом появились слова «Вы хотите пить», люди начинали испытывать чувство жажды, хотя проведенные исследования показали, что водный режим организма не был нарушен.

Следовательно, внешние воздействия на нервную систему могут не только сохраняться на всю жизнь, но еще, помимо сознания человека, определяют его отношение к окружающему миру.

Обе рассказанные истории не просто занимательны. Они позволяют раскрыть в некоторых обыденных явлениях жизни новый смысл. Посмотрим с этой, несколько необычной точки зрения на то, что с детства окружает человека в религиозной семье. Блестящий, приковывающий внимание нателенный крестик на груди матери, который трогают и тянут в ротик еще непослушные ручонки; мерцающий в младенческих глазах огонь лампадок и позолота икон вокруг темных лиц; вкус кулича; запах горячего воска и ладана; звон колоколов и церковное пение; земные поклоны и молитвы взрослых; служба в храме; привлекательность пасхального стола и еще многие особенности и привычки религиозной жизни — все это озарено неизгладимостью первых впечатлений и крепко остается в памяти человека.

Вместе с целованием креста, рисовой кашкой и сладеньким вином с ложечки, пасхальным яйцом и крестным знаменем, творимым над его головкой, начинается его путь в религии. «Бог» — реальный, зримый проникает ему в душу.

Еще человек в колыбели, еще только формируются первые ощущения, ребенок только учится различать и узнавать предметы окружающего мира и полагаться на свои руки, ноги, глаза, уши, еще лепечет он первые слова, как вместе с чувством достоверности его ощущений зарождается вера в бога.

Как же возникает эта вера и почему чувство реальности бога основывается на реальности окружающего человека религиозного мира?

Почему человек верит своим ощущениям?

Посмотрим сначала, как работают наши органы чувств. Что происходит, если, к примеру, какой-нибудь предмет попал в поле зрения глаза? Нервно-мышечный аппарат мгновенно направляет взгляд человека в сторону предмета — так, что его изображение попадает на наиболее чувствительные элементы сетчатки глаза.

Посмотрите в темноте на свет далекой лампочки. Она

обычно похожа на лучистую звездочку. Проколите в бумаге отверстие диаметром около миллиметра. Выйдите ночью на улицу и, осторожно перемещая отверстие относительно глаза, добейтесь отчетливого восприятия. Вы ясно увидите лампочку, когда ее изображение попадет на особо чувствительный участок глазного дна.

Наши зрительные восприятия тесно связаны с деятельностью всех органов чувств. В мозг поступают сигналы не только от сетчатки глаз, но и от мышц, связок, суставных поверхностей и органов равновесия человеческого тела. Мозг, осуществляя сложный анализ всех поступающих сигналов, корректирует, поправляет и оценивает работу органов чувств, обеспечивая тем самым полноценное отражение окружающего мира в психике человека. Верность этого отражения проверяется и закрепляется жизненной практикой.

О главенствующей роли нервной системы в процессе восприятия красноречиво говорит тот факт, что нам несколько не мешает, что внешний мир отражается на сетчатке наших глаз в перевернутом виде. Если надеть специальные линзы, которые опрокинут его изображение на сетчатке, то есть приведут его в положение, соответствующее действительному, тогда человек увидит весь мир «вверх ногами». Координация движений нарушится, человек будет испытывать страшные неудобства.

Но затем нервная система перестраивает свою деятельность, и человек перестает замечать «опрокинутость» мира, чувство неловкости исчезает.

Как же детально происходит процесс закрепления в мозгу внешних восприятий?

Допустим, ребенок увидел висящий на шее матери нательный крестик. Свет, отразившись от крестика, прошел сквозь роговицу, хрусталик, и на сетчатке глаза появилось его перевернутое изображение.

Светочувствительные элементы глаза передают сигналы об увиденном в различные отделы мозга. Здесь происходит оценка зрительной информации, и в зависимости от свойств и признаков внешнего раздражения включаются те или иные ответные реакции организма.

Если ребенок впервые увидел крестик или он появился в поле его зрения неожиданно, если изменилось положение этого предмета в пространстве или изменились некоторые отдельные его свойства (ярче заблестел в солнечном свете), то в ответ включается так называемый ориентировочный рефлекс. Человек поворачивает глаз в сторону крестика, расширяются зрачки, и благодаря этому создается большее поле видения. Повышается так называемая биоэлектрическая активность мозга, в результате которой возникают наилучшие условия для его работы. Одновременно включается также

адаптационный рефлекс, направленный на более точное и четкое восприятие крестика. Он вызывает реакцию сужения зрачка. Взаимодействие адаптационного и ориентировочного рефлексов играет важную роль в настройке глаза на точное восприятие.

А каким образом воспринимается нашим мозгом объемная реакция предметов? Тут на помощь приходит осязание.

Осязательные и зрительные ощущения совсем не похожи друг на друга. Однако ручные работы слепых самоучек доказывают, что осязательное ощущение мало чем отличается от зрительного. Человек, слепой от рождения, сам, без посторонней помощи, делает скрипку, ничем не отличающуюся по внешнему виду от обычных инструментов.

Посмотрите на какую-нибудь точку предмета, до которой вы можете дотянуться рукой, и медленно поднесите палец к этой точке. В тот миг, как глаз увидит прикосновение пальца, вы почувствуете и осязательное ощущение. Между тем, когда вы появились на свет, вы не умели этого делать. Бесконечные ощупывания окружающих предметов натренировали ваши глаза настолько, что вы научились воспринимать форму предмета уже без помощи рук.

Теперь проведите пальцем по грани предмета, и ваши глаза проследят за движением руки. Конечно, вы не осознаете, что при этом изменяется угол зрения глаз, но попросите проделать то же самое другого человека, и вы в этом убедитесь. Вы не чувствуете и того, что при повороте глаз произошло сокращение глазных мышц.

В восприятии величины предмета участвуют не только показания мышечного аппарата, но и показания органов равновесия человеческого тела. Короче говоря, особенно сложные формы его — восприятие величины, формы, движения и так далее — есть результат взаимодействий различных органов чувств.

Рожденные практикой жизни человека, закрепленные в практике, проверенные практикой, эти связи и обеспечивают нам чувство достоверности. Если бы глаз, писал И. М. Сеченов, не научился давать согласных с действительностью показаний относительно удаленности рельефа и величины предметов, если бы глаз строил картины, не сходные с действительностью, то едва ли мог бы человек лавировать на быстром ходу между многочисленными препятствиями, например при движении в лесу.

Одним из замечательных экспериментов, доказавших происхождение ощущений как ответа нервной системы на внешние раздражители, явилось исследование, проведенное А. Н. Леонтьевым¹.

¹ Книга А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» была удостоена Ленинской премии 1963 года.

На ладонь человека в течение 30—45 секунд действовал свет. Затем подавался электрический ток. Испытуемого предупреждали, что удару тока в палец руки всегда будет предшествовать какое-то воздействие на ладонь, после которого он должен снимать палец с электрического ключа. Человек не знал, каким раздражителем будут воздействовать на его ладонь и когда это воздействие произойдет.

Своей руки, света и аппаратуры он не видел.

В начале опытов воздействие света на ладонь, естественно, не вызывало никаких ощущений, и человек получал удар тока. Но после длительной тренировки почти все испытуемые научились снимать палец с электрического ключа до того, как включали электрический ток. Они рассказывали, что убирали руку с ключа при возникновении в ладони особого, не подающегося точной характеристике ощущения.

Таким образом, когда свет стал устойчивым сигналом предстоящего удара током, он начал вызывать некоторые своеобразные ощущения и в связи с этим соответствующее движение. До того как свет не имел сигнального значения, он не вызывал никаких ощущений в ладони руки.

Такой результат этих экспериментов косвенно свидетельствует о том, что вообще возникновение ощущений в процессе исторического развития живых организмов явилось практической необходимостью. Ощущения возникли потому, что в процессе эволюции возникла биологическая необходимость ощущать те свойства предметов и явлений внешнего мира, которые являются сигналами близости жизненно важных для организма явлений.

Когда ребенок играет крестиком или любым другим предметом, то сначала в его мозгу возникают временные нервные связи. Затем, по мере повторения, они проверяются и закрепляются. На этой основе и возникает в сознании человека чувство достоверности его ощущений, достоверности восприятия окружающего мира.

Как возникает чувство веры в бога

Теперь внимательно всмотритесь в изображение натального крестика. Обычный, штампованный, дешевый крестик. Посмотрите, сколько на нем деталей, как причудливы его формы и какой в этом небольшом предмете заключен простор для формирования различных сторон процесса человеческого восприятия!

Пока ребенок играет с крестиком, вся масса зрительных и осязательных восприятий, на которых формируется чувство достоверности его ощущений, впоследствии может стать прочной основой для чувства реальности самого бога. Все дело в том, что слово «бог», связываясь в сознании с изображением

распятия на кресте, приобретает для ребенка такую же очевидность, как и сам крестик.

Детям вообще свойственны обобщения. В процессе формирования ощущений и восприятий у ребенка легко возникает чувство достоверности религиозного вещественно-предметного мира, оно полностью переносится на слова, обозначающие этот мир. Точно так же формируется в сознании ребенка, например, образ собаки, которая не только бежит перед глазами, но еще и лает. Вскоре одного ее лая достаточно, чтобы ребенок уже знал, кто это.

Когда образ креста соединяется со словом «бог», дело обстоит несколько сложнее, но принцип тот же. В мозгу возникает прочная связь между сигналами от самого предмета и от его словесного обозначения. Слова становятся в сознании ребенка такими же реальными сигналами, как его собственные ощущения и чувства. Теперь ему достаточно произнести или услышать слово «бог», как оно получает почти такое же чувство достоверности, как и само изображение распятия на кресте.

По мере того как слово «бог» будет связываться в детской душе со все новыми предметами и явлениями религиозного мира, во много раз расширится не только содержание этого понятия, но и возрастет чувство достоверности бога.

Выражения «узреть бога» и «вкусить тела господня» хорошо раскрывают смысл такой системы воспитания чувства веры. Удивительная простота этого способа приобщения ребенка к вере объясняется, как уже сказано, тем, что дети вообще склонны к обобщениям. Самые различные предметы, обладающие каким-либо одним общим признаком или свойством, могут называться ребенком одним и тем же словом.

Прибавьте к этому вообще подражание ребенка взрослым и то, что часто бог предстает перед ним еще и в высшей степени эмоционально, так как в жизни окружающих его взрослых людей все, что бывает озарено яркими и сильными чувствами, связано с именем бога.

Какой же вывод следует из всего рассказанного? Он заключается в том, что человеческая психика формируется в зависимости от всей суммы воздействий окружающей среды. При этом совсем не обязательно, чтобы каждое такое воздействие было осознано. Достаточно, чтобы оно было воспринято с помощью органов чувств и подкреплено практикой.

Человек может стать верующим, совсем не анализируя понятия бога, не осмысливая его. Религиозные чувства очень часто возникают у него в раннем возрасте, вместе с восприятием атрибутов религиозного культа. Вместе с чувством достоверности, с убеждением в реальности крестика, иконы, причастия и так далее в психике ребенка утверждается безотчетная убежденность в существовании какой-то внешней

силы, которую невозможно увидеть или пощупать руками. Вот поэтому-то и говорят иные верующие: «Разумом-то я понимаю, что религия не права, что она противоречит нашим знаниям о мире, но чувствую, что бог есть». Как возникает эта иллюзия, вы теперь знаете. Наука убедительно разоблачает ее «божественное происхождение».

Душа, сознание, разум

Рассказывают, что студенты Гейдельбергского университета, возмущенные самодурством своего декана, решили сыграть с ним злую шутку. Вечером, надев маски, они подстерегли его, связали и притащили в подвал. В свете факелов ошеломленный декан увидел помост, фигуру палача, плаху и огромную секиру. Он обмер от страха. Не давая ему опомниться, студенты поспешно натянули на декана холщовый мешок и один из них грозным голосом прочел смертный приговор. Декана повалили на плаху, и мнимый палач, надсадно крикнув, ударил его по шее мокрым полотенцем.

Произошло неожиданное: смертельно напуганный декан умер.

Что же случилось?

Когда декан, очутившись в подвале, увидел, что намереваются сделать с ним студенты, он испытал сильный страх, который невероятно обострил чувствительность нервной системы.

Затем кажущаяся невозможность спасти свою жизнь еще больше усугубила отрицательные эмоции — страх перешел в испуг, окончившийся смертью.

Каждый по себе знает, что даже от легкого испуга сердце сначала замирает, а потом начинает сильно биться. При большом испуге возникает очень сильное возбуждение. Воспринятое блуждающим нервом, оно прекращает сердечную деятельность. Кровь не поступает в мозг: человек бледнеет, теряет сознание. Если обморок длится долго, человек может, не придя в себя, умереть.

Чувство страха обычно возникает до угрожающего воздействия, а испуг — после него. Отсюда и столь разные реакции организма. Сначала — при страхе — резкое обострение чувствительности (не зря говорится, что «у страха глаза велики»; «велики» не только потому, что могут искаженно увидеть некоторые вещи, а еще и потому, что замечают много против обычного), а потом — при испуге, наоборот, — полная потеря чувствительности, обморок.

В рассказанной истории эмоции человека, ложно представляющего окружающую действительность (декан не предполагал, что вся сцена казни — злая шутка), сыграли роковую роль. Однако, как это ни покажется странным, несоот-

ветствие реакции организма на внешнее воздействие является жизненно важной стороной эмоций.

Если какое-нибудь внешнее воздействие не пугает человека, то ответная реакция обычно соответствует силе раздражителя. Когда же человек чем-то напуган, то реакция будет более бурной, потому что к старому механизму ответного действия присоединяется новый, усиливающий его.

Чрезмерная возбудимость при незначительном раздражении свойственна не только людям, но и животным. Охотники знают, что медведи, если их испугать, пускаются в паническое бегство, нередко сопровождающееся кровавым поносом.

Нетрудно понять, что и бегство медведя и сильный обморок декана — это проявление целесообразного воздействия эмоций на организм. В первом случае защита осуществляется тем, что зверь убегает от угрожающих воздействий, а во втором — при потере сознания — резко снижается чувствительность нервов к действующим раздражителям. В том и другом случае мы сталкиваемся с целесообразным воздействием эмоций на организм, хотя в данном случае глубокий обморок привел человека к гибели.

Конечно, эмоциями страха и испуга не охватывается вся область человеческих чувств. Всюду, где есть потребности и возникает конфликт при их удовлетворении, неизбежно возникают и человеческие эмоции.

Если человек терпит неудачи, это вызывает у него отрицательные эмоции. Если же оказывается, что существующие условия с избытком превосходят те, которые необходимы для удовлетворения потребностей, эмоции становятся положительными.

Когда человек имеет все, без труда осуществляя свои желания, жизнь становится скучной, эмоционально пустой.

Религиозные чувства

О происхождении различных эмоций можно было бы сказать гораздо больше. Поговорим, однако, о том, как с помощью эмоций формируется характер религиозного человека.

Нет такой естественной или приобретенной потребности человека, которую церковь не использовала бы в своих целях. В религиозном воспитании она учитывает все человеческие чувства. Возьмем одно из самых сильных переживаний — страх.

Чувство страха. Еще раз вспомним гейдельбергских студентов. Преднамеренная, сознательная дезориентация человека нарушает нормальный ход эмоций. Подобным приемом усиливающим в людях чувство страха, широко пользовались фашисты в концентрационных лагерях.

Непрерывно и каждый раз по-новому угрожая жизни человека, они в короткий срок нагнетали страх и превращали обезумевших людей в толпу, покорно бегущую к смерти.

Чувство страха можно искусственно создавать у человека и путем длительных воздействий на его психику. Ярким примером этому может служить вся история нацистской Германии, в которой любое проявление инакомыслия грозило неминуемой смертью. Хорошо известно, к каким нелепым поступкам и мыслям приходили люди в условиях фашистского режима благодаря искусственному усилению чувства страха.

Религия тоже культивирует страх. Проповедуя бессмертие души, она в то же время пугает верующих вечными муками в загробной жизни.

Легко представить, какое впечатление производит на невежественного человека или на ребенка описание «геенны огненной», кипящей смолы и прочих ужасов, уготованных в аду грешникам и неверующим. Если человек искренне верит в реальность всех этих кар, то также нетрудно понять, каким утешением является для него перспектива рая.

Именно эта ложная необходимость выбора между вечным блаженством и вечными муками и лежит в основе религиозной жизни верующего.

Чувство утешения. Обещая верующим загробную жизнь, религия как бы обязуется возместить ему потерю земной жизни. Эта иллюзия утешает. Когда человек теряет близких людей, чувство невозможности возратить потерю усугубляет его горе. В таком состоянии он цепляется за любую возможность, даже призрачную, чтобы только что-то предпринять, сделать, утешиться. Для верующего практически неважно, обманывают его или нет. Совершая заупокойную службу, поминание усопших, он искренне верит в их действительность. Человек находит в этих обрядах утешение, потому что они удовлетворяют его потребность в общении с дорогими людьми. Общение извращенное, но, повторяем, это не важно для верующего, оно воспринимается им как реальное, точно так же, как мнимый удар топора был принят за подлинный.

Ложная вера в загробную жизнь лишает человека возможности здраво смотреть на окружающий его мир. Срабатывает фальшивый механизм утешения. Мирская жизнь теряет в глазах человека ценность. Она кажется ему временным испытанием, которое стоит претерпеть, чтобы потом получить в награду «жизнь вечную».

Человек бежит к иллюзии загробного блаженства вместо того, чтобы бороться за жизнь. Человек отказывается от радостей единственной, раз дарованной ему жизни ради мифического рая.

Чувство религиозной любви. Эмоция любви — одно из наиболее ярких чувств, озаряющих жизнь человека.

Любовь делает человека тонким и чутким, способным увидеть и заметить неизмеримо больше, нежели в обычном спокойном состоянии. Как легко и чутко люди понимают друг друга, когда они любят!

Очень своеобразно изменяется эта естественная способность человека любить, когда под влиянием религиозного воспитания это чувство переадресовывается от людей к всевышнему.

В раннем возрасте состояние неясного полового томления само по себе еще не вызывает чувства любви вообще и любви к богу в частности. Вначале ребенок усваивает понятия о боге. Необычайность их начинает все сильнее занимать молодое воображение, но любви к богу пока еще нет. Но вот у человека формируются эмоции полового влечения. Сочетание представлений о совершенстве бога, его духовной красоте, воспитанных с детства, с образом бога, видом его обнаженного тела может породить и иногда действительно порождает в душе девушки первое чувство, по яркости своей вполне соответствующее определению «христовой невесты».

Это платоническое чувство порой бывает неизмеримо сильнее чувств, испытываемых в отношении к реальным людям, по той простой причине, что никто из них не может конкурировать с идеальным божеством. В этом случае бог в девичьей душе выступает недосыгаемым образцом. Аналогичная история может произойти и с юношей, для которого нет совершенней женщины, чем богородица.

Человек может достигнуть в своем чувстве к богу высших степеней эмоции — страсти, восторга, экстаза. Процесс здесь совершенно тот же, что в момент высшего проявления ужаса, хотя причина, его вызвавшая, другая. Такая страсть может толкнуть человека к самопожертвованию, он решается на поступки, идущие наперекор всем естественным инстинктам и даже чувству самосохранения.

Человек любит бога больше себя. Любовь к нему и действия, ее выражающие, носят преимущественно идеальный характер, а стало быть, и легко исполнимы в воображении человека. Привыкая к этой легкости и предпочитая ее трудностям земной любви, уже на одном только этом основании верующий может стать противником мирской жизни: уйти в монастырь и т. п.

Перед нами — обманутый религиозными чувствами человек, хотя ему и кажется, что он по собственной воле отказался от всех земных радостей.

Если верующий не пережил подобной страстной любви, то он не может не испытывать к богу симпатии хотя бы по-

тому, что в его понятии бог — существо всемогущее. И вместе с тем церковь представляет людям бога в простых, земных деяниях, настолько обычных для любого смертного, что это по-человечески не может не расположить верующего к богу. Всевышний оказывается доступным, понятным, не требующим раздумий, и верующий человек испытывает к нему добрые чувства. Они надолго сохраняются в его памяти по той простой причине, что все, озаренное эмоцией, запоминается ярче и прочнее.

Развитие религиозных чувств

В религиозной семье начало веры в бога, как было сказано, связано с некоторыми особенностями формирования чувственных восприятий ребенка. С ними же связаны и первые радости ребенка. Ярко окрашенное пасхальное яичко, сияние свечей, блеск позолоты на иконах и т. п. вызывают у него отчетливо выраженные эмоциональные реакции: ребенок выражает свою радость голосом и нетерпеливыми движениями.

Такое возбужденное состояние продолжается, однако, недолго. В три-четыре года ребенка уже перестает забавлять какой ни на есть яркий предмет. Теперь потребность рассмотреть, узнать отдельные предметы окружающего мира удовлетворяется относительно спокойно, без эмоций. Эмоции уже сыграли свою основную роль в формировании механизма верного восприятия окружающего мира.

Вот как описывает И. М. Сеченов этот процесс. Восприятие окружающего мира к этому времени становится аналитическим, растет способность все более тонкого исследования свойств окружающих предметов. Ребенку надоедают одни и те же игрушки; что его восхищало в два года, к тому он делается равнодушным в пять. После минутного восторга от общего вида куклы, попавшей в руки ребенка, он начинает анализировать ее. Процесс повторяется, и продукты анализа выступают в сознании ярче и ярче, другими словами, восторг от конкретного ощущения уступает место ясности спокойного представления.

В три-четыре года ребенок любит новогоднюю нарядную елку, ему нравится атмосфера церковного праздника, он жадно слушает рассказы взрослых о новом годе, деде-морозе и т. п.

По мере развития конкретных представлений приятные ощущения от некоторых свойств предмета сливаются с цельным представлением об этом предмете, ребенок наслаждается уже целостным образом, формой, рядом звуков. Формирование цельных представлений приобретает, таким образом, эмоционально окрашенный характер.

Эмоционально окрашенные представления развиваются

вместе с формированием первых сложных потребностей и желаний. Например, укладывая ребенка в постель, ему прочитали стишок:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал,
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Кто накормит и напоит,
Боже добрый, сироту?

Каждый в детстве испытывал чувства жалости к малютке и добрые чувства к богу, слушая этот и подобные стишки и сказки.

Ребенку прочитали стишок, и в его голове приятные, эмоционально окрашенные впечатления от услышанного ассоциировались, совместились с теми приятными ощущениями, которые ребенок получает, лежа в теплой, мягкой постели. Завтра при укладывании он непременно потребует стишок и будет ныть до тех пор, пока не расскажут. У ребенка уже возникла потребность слушать снова и снова рассказы, поразившие его воображение.

Однако и здесь частоте повторений существует предел. Куда больше, чем сказку, ребенок может любить, например, пирожное. Но попробуйте угощать им ежедневно, несколько месяцев кряду — и ребенку будет противно смотреть на него.

Заметим мимоходом, что установленный церковью распорядок постов и скоромных дней не позволяет человеку утрачивать те положительные эмоции от вкусной еды и питья, которые у каждого верующего связаны с различными религиозными праздниками. В этом распорядке есть и другой смысл. Он таков, что толкает человека к неумеренности в еде за праздничным столом. Каждый новый праздник ожидается с большим нетерпением.

Конечно, приятные ощущения, которые получает ребенок на религиозных праздниках, не исчерпываются для него только привлекательностью стола. Но даже и это связывается у него с представлением о самом боге.

По мере развития у ребенка появляется все больше и больше эмоционально окрашенных ассоциаций. Впечатления от отдельных предметов и явлений религиозного культа переходят на общие представления, связанные с богом.

У каждого из нас бывает отличное самочувствие, когда мы ощущаем запас жизненных сил. Вы сделали производственную гимнастику — и вам после этого легче работается, у вас хорошее настроение. Так же и верующий, придя в церковь, неоднократно кланяясь там, становясь на колени, поднимаясь, совершая крестные знамения, повышает тонус своего организма. Ему легко идти после службы домой. Но если, делая зарядку, человек не помышляет о боге, то верующий припи-

сывает свое хорошее самочувствие целиком богу. То же самое касается утренней молитвы.

Подъем сил, обусловленный положительными эмоциями, не кажущийся, а реальный. Это — следствие повышения жизненных возможностей всех органов, которые участвуют в активном действии, эмоционально переживаемом. Такое повышение жизненных возможностей происходит за счет ускорения обмена веществ в тканях, за счет лучшего, более экономичного использования ресурсов организма.

Значение эмоциональных ассоциаций в воспитании религиозных чувств особенно отчетливо выступает при воздействии на верующего церковной музыки. Торжественное состояние верующего, переживаемое им чувство «благости господней» может значительно усилиться, если оно будет подкреплено соответствующей музыкой. И верующий, пережив однажды сильное чувство, в дальнейшем может неоднократно испытать его снова уже на основании одной ассоциации этого чувства со строем музыкального произведения.

Заметим, что церковь, заказывая выдающимся композиторам церковную музыку, всегда давала им строгую программу содержания и исполнения этой музыки, тщательно заботясь о том, чтобы музыка вызвала в сознании верующего только божественные помыслы и чувства.

Итак, с конкретных свойств вещей (огня свечи, ярких красок новогодней елки, привлекательности стола в религиозные праздники, церковной музыки и т. п.) ребенок в конце концов переносит любовь на идеальные свойства бога (великодушные, сострадание, бескорыстие и т. п.). Переход этот при религиозной системе воспитания неизбежен.

Нравственные чувства верующего

Любя бога, подрастающий человек начинает любить все его свойства. Здесь, казалось бы, религиозное воспитание поворачивается своей положительной стороной — ребенку прививаются любовь к правде, доброта, великодушные, бескорыстие, равно как и ненависть ко всему противоположному. Эти качества развиваются повторением эмоциональных представлений о боге. Его облик предстает перед верующим человеком каждый раз, когда он, как говорится, остается наедине со всевышним.

В возрасте пяти лет ребенок уже отделяет свою особу от внешнего мира и, конечно, бессознательно очень любит себя или, правильнее сказать, любит себя в наслаждении. В этом возрасте он отождествляет свою особу со всеми проходящими через его сознание героями, со всеми их свойствами, разумеется, чисто внешними. Видели ли вы, читатель, когда-

нибудь мальчишек или девчонок, которые не играли бы в кого-нибудь?

Вот почему, попадая в церковь, созерцая там бога, слушая рассказы взрослых о делах всевышнего, ребенок во всех этих случаях не может не ассоциировать себя с богом, который занимает его воображение. Как и во всякой игре, сначала это носит только чисто внешний характер.

Желание подражать богу наполняется все больше представлениями о добродетелях всевышнего. А потом человек начинает любить уже сами эти добродетели. Понятно, что такие же представления о нравственных нормах остаются у человека и в зрелые годы. Чувств к богу, конечно, поубавится, но их место займет то, что обыкновенно называют глубоким убеждением.

Вот почему всякий раз, когда верующий остается «наедине с богом», он и о себе самом начинает думать только в плане высоконравственных представлений. В такие минуты он искренне убежден, что руководствуется в своей жизни высокими мотивами: правдой, любовью к человеку, снисходительностью к его слабостям и т. п. И в этих мыслях для верующего очень много утешительного, потому что для него без представления о боге вера в прочность добродетели невозможна.

Однако повторяем — все эти убеждения верующего возникают преимущественно тогда, когда человек остается «наедине с богом». А делает это каждый верующий только в определенные часы: молясь, посещая церковь и т. п. И каждый любит эти минуты своей жизни. Для него они — убежище от мирских забот. Поступки его в жизни предстают ему в ином свете. Он может в эти мгновения искренне раскаяться в них, ему даже непонятно, как это он так мог поступить, и он глубоко убежден, что ничего подобного впредь не произойдет с ним.

Но, покаявшись в церкви, он возвращается к обыденной жизни и снова грешит, потому что его высокие религиозные принципы на самом деле изолированы от жизни. И опять перед нами обманутый религией человек, принимающий за убеждения ложные чувства и промахи рассудка.

Человеческие эмоции, как уже говорилось, оказывают иногда весьма значительное влияние на отношение человека к реальному миру. Чувства могут быть мощным стимулом познания жизни. Однако в ряде случаев это воздействие бывает отрицательным. Тогда человек, переживая то или иное, в особенности сильное чувство, проявляет своеобразную «слепоту» к тому, что происходит в действительности, не способен понять происходящее, неправильно толкует его. Именно так, как мы видим, религиозные чувства человека.

ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИЯ

Человек верит

Опираясь на данные современной нейрофизиологии и результаты собственных экспериментов, мы пришли к выводу о том, что, с точки зрения физиолога, эмоции представляют специальный нервный аппарат, сформировавшийся на протяжении миллионов лет эволюции органического мира. Назначение этого аппарата — срочная компенсация недостатка сведений, необходимых для целенаправленного поведения. При потребности в пище, воде, устранении болевого воздействия и т. д. именно дефицит информации предстает как решающий фактор запуска механизмов эмоционального реагирования.

Благодаря эмоциям живая система продолжает действовать в условиях, когда вероятность достижения цели кажется очень небольшой. Эмоции избавляют живое существо от «идиотской логичности счетно-решающих устройств» (Шеннон). Возбуждение «эмоциональных центров», расположенных в глубинных отделах головного мозга, не только профилактически мобилизует энергетический потенциал живой системы, но в значительной мере определяет переход к доминантным (вероятностным) формам поведения, активизирует все отделы мозга и органы чувств, извлекает дополнительные сведения из произвольной памяти, обеспечивает те особые типы поиска решений, которые мы связываем с понятиями интуиции и озарения.

Образно говоря, живая природа умудрилась использовать не только знание, но и незнание, сделав это незнание пусковым механизмом эмоциональных реакций.

Сущность информационной концепции эмоций можно представить в виде количественной формулы $\mathcal{E} = \text{П}(\text{Н} - \text{С})$, где \mathcal{E} — эмоция, П — потребность, Н — информация, прогностически необходимая для удовлетворения данной потребности, а С — существующая наличная информация, которая может быть использована для организации целенаправленных действий. Термин «информация» мы всюду употребляем с учетом ее содержательной ценности, то есть как возрастание вероятности достижения цели благодаря получению данного сообщения.

Социально детерминированные эмоции человека, возникающие при восприятии художественных произведений, нередко рассматриваются как процесс непосредственной «передачи чувств», которая якобы и составляет цель и назначение искусства. Более тщательный анализ показывает, что, для того чтобы у зрителя возникли эстетические переживания, необ-

ходимое соблюдение ряда обязательных условий. Для того чтобы возникла эмоция, должны существовать потребность, удовлетворению которой служит искусство, и определенные прогностические представления о возможности ее удовлетворить.

В процессе сопоставления прогноза с той информацией, которую субъект реально извлекает из произведения искусства, и возникает эмоция, причем подлинный художник всегда дает зрителю больше, чем тот предполагал. В случае С больше Н эмоция изменяет свой знак, то есть становится положительной. И действительно, в качестве эмоционального итога при восприятии художественных произведений мы всегда обнаруживаем положительную эмоцию эстетического наслаждения, даже если художник рассказал нам о трагической гибели героя.

Таким образом, восприятие художественных произведений предстает перед нами не в виде пассивной «передачи чувств и настроений», а в качестве активной деятельности воспринимающего субъекта по проверке своих прогностических представлений о должном, прекрасном и совершенном. Эта деятельность, как всякая иная, требует определенных знаний и навыков восприятия, которые формируются в процессе общественного воспитания. Эмоции, возникающие при чтении, прослушивании или созерцании художественных произведений, нельзя сводить к прямолинейному сопереживанию: страдает герой произведения — страдает зритель, хороший конец — радостно на душе. В конце концов стоит ли переживать по поводу вымышленных событий? Эмоции зрителя связаны с его кровной заинтересованностью в результатах сопоставления своих собственных идеалов, представлений, поступков с тем, что сообщает автор.

Произведение искусства или укрепляет эти представления, развивая, обогащая и конкретизируя их, или требует их коренной перестройки. В новом свете нравственных оценок видит зритель свои представления о мире и человеке, свои поступки, как совершенные, так и предстоящие. А без этого на что мне дядя Ваня? Ну жил такой незадачливый помещик, ну «переживал»... а мне что? Или единственная ценность пьесы А. П. Чехова для современного зрителя заключается в ее «чисто художественных достоинствах» — композиции, языке, неотразимой меткости деталей? Но давно и хорошо известно, что чем значительнее произведение искусства, тем реже даже искушенный зритель задумывается над вопросом, как это сделано. И в произведениях тысячелетней давности форма привлекает нас лишь в единстве с воплощенным в ней содержанием.

Воссоздавая целостную картину мира, стремясь удовлетворить человеческую потребность в познании абсолютной

истины о должном, гармоничном и справедливом, искусство в известном смысле восполняет пробелы научного, аналитического познания окружающей действительности. Но мы знаем, что на длинном пути своего исторического развития человек нередко восполнял эти пробелы мифами, религиозным фанатизмом, верой в «судьбу» и «бога». Значит, должно быть нечто существенно различное между истинами, утверждаемыми вечно живым искусством, и «абсолютными истинами» религиозных догматов.

Писатели Запада нередко с тревогой и болью пишут о безверии широких кругов молодежи капиталистических стран, об утрате нравственных и эстетических идеалов, о расчетливости и цинизме. Идеалы христианства поколеблены, а духовная атмосфера современного капитализма не в состоянии ничего предложить взамен. Человек, ни во что не верящий, потерял для общества, какими бы формальными знаниями он ни располагал. Значит, есть знание и есть вера: есть вера, враждебная знанию, и вера, без которой знания оказываются бесполезным, «мертвым капиталом»; вера, зовущая человека вперед, и вера, отбрасывающая его в сумерки невежества и бессилия.

С одной верой надо бороться. Без другой человек перестает быть человеком.

Почему она ходит в церковь

По соседству со мной живет религиозная женщина, которая в доступных ей пределах неплохо знакома с новейшими достижениями науки и техники. Она слушает радиопередачи, смотрит телевизор и посещает церковь. Ее трудная судьба не отмечена какими-то исключительными обстоятельствами. На фронте погиб муж. Одна на свой небольшой заработок растила сына — свою мечту, свое утешение и надежду. Сын оставил школу, много раз менял место работы, связался с дурной компанией. А тут еще болезнь, возраст, трудности с жильем. Однажды женщину поразила такая картина: около клуба группа подвыпивших подростков с грубыми выкриками пытались прорваться на вечер без билетов...

...Двери церкви широко открыты для всех, подумала она, никто не спросит ни о твоём имени, ни о месте работы, никто не потребует билета. Люди входят тихие и торжественные. Покой, строгость, приглушенные голоса. Хор, мерцание свечей, проповедь священника. Слова о любви, милосердии, всепрощении. И уходят заботы, постоянная тревога за судьбу сына, мучительные раздумья о неудавшейся жизни...

Когда она пошла к депутату райсовета с просьбой о жилье, потребовалось много хлопот, справок, нужно было ждать своей очереди среди людей, нуждающихся не меньше, чем она.

Церковь не строит дома, ей не приходится ломать голову над тем, как улучшить жилищные условия для многих людей. Она дает утешение сразу, здесь, сегодня, сейчас. И пусть это облегчение не связано с удовлетворением насущных материальных потребностей (от церкви никто, кроме самих церковников, не ждет материальных благ!), отработанная столетиями система обработки человеческой психики устраняет тревогу и боль, подменяет реальные жизненные конфликты раздумьями о бренности всего сущего, о просветляющей пользе страданий, о смирении и кротости перед лицом испытаний и бед.

Депутат райсовета выполнил свое обещание. Мы вместе въехали в только что построенный дом. У моей соседки отдельная квартира, удобства, налаженный быт. Сына призвали в армию, он овладевает там специальностью, которая так пригодится в последующей гражданской жизни.

Женщина пошла в церковь и со слезами благодарила бога за услышанные им молитвы. Ее терпение и вера оказались вознагражденными еще на земле. В годы трудностей и тревог она не озлобилась, не прониклась завистью, не погрязла в «грехе». Она убеждена, что в этом ей помогла утешительница-церковь.

Как это все началось

Во многих статьях о мифах и обрядах первобытных людей или племен эти мифы подаются как досадное историческое недоразумение. «Бедные», «темные» наши предки были так беспомощны, так неразумны, что верили во всякую ерунду и тратили время на нелепые, бессмысленные обряды. С точки зрения упомянутых авторов, лучше не думать об устройстве мира, чем думать, что Земля покоится на трех китах. Ну разве можно найти хоть что-нибудь рациональное в следующих, например, представлениях?

...Солнце рождает деревья, выступающие по утрам из ночного мрака, луна порождает росу. Красные птицы возникают в пламени лесных пожаров. Рыбы движением своих хвостов толкают воду в реке, и реки текут благодаря неутомимым рыбам. Наивные, хотя и удивительно поэтичные сказки!

Но в этих сказках уже проступает стремление человеческого ума познать причины и следствия окружающих их явлений, выяснить связи и отношения, которым подчинен огромный, непостижимо загадочный мир. Объективных (проверенных практикой) знаний еще так мало, и человек возмещает их своими непосредственно чувственными внешними впечатлениями («красные птицы трепещут огненными крыльями»).

ми в красном пламени костра, а потом покидают костер и поселяются на деревьях»).

Человек создает фантастические, но целостные картины мира. Художник и ученый еще слиты в едином лице. Да, ученый, потому что человек уже не довольствуется пассивным восприятием, он ищет причинно-следственные связи, хотя представления об этих связях пока далеки от объективной действительности.

Если объективные знания о свойствах предметов можно использовать для изготовления копья, одежды и жилища, то миф о рыбах, толкающих воду в ручье, вряд ли поможет при рыбной ловле. Но это не значит, что вера лишь плод «исторического недоразумения».

...Группа первобытных охотников исполняет ритуальный танец. Время от времени воины пронзают дротиками и копьями фигуру мамонта, нарисованную на стене (такие изображения со следами ударов не раз находили археологи). Получили ли участники танца дополнительные сведения о том, как лучше охотиться на мамонта? По-видимому, нет. Приобрели новый опыт? Может быть, только самые молодые. Но после танца на борьбу с мамонтом отправлялось не стадо дрожащих тварей, готовых разбежаться при первой же неудаче, а коллектив воинов, уверенных в победе (ведь мамонт на стене пещеры уже убит!), охваченных боевым азартом, полных воодушевления и сил. Это сделали искусство и вера — могучие средства воспитания, дополняющие знания, компенсирующие их дефицит.

Для человеческого ума опасно не домысливание недостающих звеньев, а отказ от их постоянной проверки общественно полезной практикой, от сопоставления предполагаемого с действительным, догматизация представлений о природе и обществе. Но здесь уже вмешались иные закономерности, иные силы, которые нельзя приписать изначальной природе мозговой деятельности человека.

Богатое захоронение племенного вождя — с одеждой и утварью, золотым конем и любимой женой — было вызвано не только наивной верой в загробное существование. Процедура захоронения воспитывала почтение к здравствующим, потому что над телом раба никто не сооружал надгробие, подобное пирамиде фараона.

Классовой сущности религиозных учений посвящено множество прекрасных работ, в трудах основоположников марксистско-ленинской философии этот вопрос получил блестящее и исчерпывающее решение. Мы не будем на нем останавливаться, потому что нас интересуют не общественные функции, а «технология» влияния религии на эмоциональную сферу человека.

Религии всех времен неизбежно и охотно обращались к искусству как к своему надежному и могущественному союзнику. Связь между религией и искусством оказалась настолько тесной, что многие исследователи, особенно зарубежные, склонны видеть в религии источник и движущую силу художественной деятельности людей. В этом утверждении верно только то, что и религия и искусство возникли как производные процесса познания окружающей человека действительности, но с самого начала они не вполне совпадали, не были тождественны по своим общественным функциям. Если мы обратимся к самым ранним памятникам искусства — наскальным рисункам и рельефным изображениям, то убедимся, что по своему содержанию искусство было связано с предметной деятельностью людей, с добычей материальных благ. Изображения животных, сцены охоты, походов и сражений — вот содержание памятников наиболее древнего искусства. Не фантастические чудовища, не загадочные символы, а вполне реалистические картины повседневной борьбы за существование сурового, полного опасности и труда быта.

Мы далеки от мысли, что первые рисунки создавались с утилитарной целью передачи сведений окружающим членам сообщества, скорее всего первобытный художник адресовал их самому себе. Рисунки давали возможность выяснить, закрепить, фиксировать наглядные, образные ассоциации, теснившиеся в уме. Но результаты труда художника оказались замеченными его соплеменниками, наскальный «дневник» неожиданно оказался «письмом». Это новое средство связи обладало определенными преимуществами по сравнению с живой речью. Пользуясь им, можно было общаться с членами коллектива не только в данный момент, находясь с ними рядом, но и на расстоянии, во времени. Уходя из пещеры, можно было оставить сообщение о том, куда ты ушел и что должны делать твои соплеменники.

Использование рисунка в качестве письменной речи предъявило к нему ряд требований: лаконизм, простота изготовления, скоропись. Вначале достаточно конкретный и подробный письменный знак становился все более обобщенным, лаконичным и условным, пока не стал иероглифом, буквой, цифровым обозначением.

А прикладное искусство — ожерелья, украшения на рукоятках оружия, роспись посуды, пряжки поясов и плащей? Вряд ли все они имели обязательный магический смысл. Таким образом, сфера применения художественной деятельности людей (письменность, украшение бытовых предметов, трудовые песни-команды, помогающие объединению усилий, и

т. д.) с самого начала оказалась шире сферы культовых от-
правлений. Но это не значит, что мы недооцениваем роль ре-
лигии в использовании искусства с первых шагов его суще-
ствования до наших дней.

Всякая религия стремится навязать людям свое понима-
ние мира, человека и общества, свою систему взглядов, свои
нравственные требования. Именно произведения искусства
благодаря чувственной непосредственности их восприятия
сообщают религиозным представлениям убедительность объ-
ективной реальности. И чем крупнее талант художника, чем
совершеннее созданное им творение, тем неотразимее его
впечатляющее воздействие.

Религия использует силу искусства гораздо изощреннее,
чем иногда принято думать. Ее нельзя упрекнуть в пристра-
стии к «натурализму». В религии Древнего Китая существовал
Белый Дракон. Это было самое могущественное и страш-
ное чудовище, «дракон драконов». Его изображали... белым
прямоугольником без какого-либо рисунка! И люди понима-
ли, что такое чудовище невозможно представить в виде самой
причудливой комбинации змеино-го туловища, хищной огне-
дышащей морды, отвратительного хвоста и лап. Белый Дра-
кон — это нечто превосходящее самую болезненную фантазию
человека, нечто невыразимое и неведомое. Белый Ужас, не
имеющий контуров и форм. По сравнению с гениальной до-
гадкой древнего художника все потуги современных абстрак-
ционистов кажутся жалким эпигонством. Много веков назад
при создании Белого Дракона абстракционизм достиг своего
предела, изобразив Ничто. Если бы я был художником-абст-
ракционистом, то бросил бы это занятие от зависти к древне-
му китайскому художнику, которого невозможно превзойти.

В руках настоящего художника, выполняющего заказ ре-
лигии, подлинное искусство всегда оставалось самим собой.
Подобно тому, как ученый, получив ценные и достоверные
факты, оказывается материалистом по существу, независимо
от своих идеалистических предубеждений и выводов, худож-
ник, воспроизводя действительность, вносит в свое творение
много такого, что не только излишне для религии, но и враж-
дебно ей. В этом непреодолимое противоречие взаимоотноше-
ний религии с искусством. Желая сообщить своим догматам
убедительность, религия требует от искусства впечатляющей
достоверности. В поисках достоверности и силы художник
обращается к жизни, и тогда появляются земные черты в
облике иконописных святых, тогда мать божья становится
Сикстинской матерью, которая несет своего ребенка навстречу
трагической судьбе, тогда поколения атеистов черпают
уверенность в торжестве справедливости и добра из картин
и хоралов, созданных для великолепия католических бого-
служений. Ибо назначение искусства — познание смысла и

цели жизни, а «религиозное» в искусстве — нарост на живом древе этого познания, подобно идеализму на живом древе истинной науки.

Сколько раз благочестивые заказчики, папы и патриархи корили художников за осквернение святости чертами «светского», «богопротивного» и «суетного» в картинах, музыке, архитектуре церквей! Находились исполнители-фанатики или угодливые пройдохи, которые изгоняли из церковного все «суетное» и «мирское». Искусство умирало в этих постных ликах, в упадочных фантазмагориях средневековья и... теряло свою убедительность, свою власть над умами и думами людей.

Проходят столетия, давно забыто все то магическое, колдовское, религиозное, что воспринимали современники во многих произведениях искусства минувших эпох, а отблески жизни, стремление к истине и красоте крупинцы познания «очеловеченной природы», сконцентрированные в тех же произведениях, продолжают служить человечеству. Такова внутренняя диалектика искусства, с которой никогда не могла справиться ни одна из существовавших на земле религий.

Подведем итоги. И религия и искусство удовлетворяют человеческую потребность в познании окружающего мира, которая лишь частично и относительно удовлетворяется объективными истинами науки. И религию и искусство интересуется сам человек, его место в природе и обществе, его жизненное назначение. И религия и искусство не столько обучают, сколько воспитывают человека, формируют его нравственные идеалы, его отношение к обществу, его поведение в социальной среде. Но искусство всегда стремится к познанию объективных процессов «очеловеченной природы», целостностью и непосредственностью своих творений пытаться восполнить звенья, не доступные логическому анализу. Оно неизбежно отражает движение, прогресс общественных устремлений, объективные признаки развития к более прогрессивным и высшим формам общественного устройства. Подлинное искусство не может не быть прогрессивным, потому что в противном случае оно должно лгать, искажать развивающуюся действительность, подгонять ее под некие логически заданные категории.

Цель религиозных учений — сообщить людям некоторую систему представлений, навязать ее как единственно возможную, вечную и неопровержимую (мы не будем повторять, что все это делается в интересах весьма определенной и достаточно узкой группы лиц). Искусство необходимо религии не в качестве инструмента познания тех сторон действительности, которые нельзя освоить логическим анализом, а как средство, способное замаскировать пробелы знаний, выдать выгодное за объективно существующее, придать догматам

убедительность непосредственно воспринимаемой реальности.

Искусство рвется в непознанное. Религии с познанием не по пути. Она уже обладает «абсолютной истиной». Ее задача — поддерживать иллюзию этого мнимого обладания любыми средствами. Тем более, что арсенал эффективных средств достаточно велик.

Что может слово

В отличие от науки, которая подтверждает свои выводы критерием экспериментальной, производственной и общественной практики, религия стремится пресечь саму мысль о необходимости какой-либо проверки постулируемых ею догм. Только в отдельных случаях религия пытается создать видимость «практического подтверждения», искусно используя случайные совпадения, например солнечное затмение, которое древние жрецы умели предсказывать с довольно высокой точностью. Это позволяло им заблаговременно угрожать гневом богов и требовать от верующих определенных уступок и жертв.

Любой служитель культа не преминет использовать несчастный случай в жизни сомневающегося с целью демонстрации неотразимости божьего перста. Но апелляция к подобного рода случайностям — скорее крайняя и подсобная мера обработки умов, чем распространенное правило. Повторяем, главная задача всякой религии состоит в исключении самой необходимости что-либо доказывать и подтверждать. Психологический фундамент религии составляет вера — усвоение некоторой суммы представлений без их критической оценки, без их сопоставления с фактами действительности, без их логического анализа.

Теперь понятно, почему служители культа, от жрецов и шаманов до проповедников наших дней, обращаются именно к тем приемам воздействия на психику человека, которые не требуют логических доказательств. Убедительность чувственно непосредственных образов искусства, эмоциональный накал страстной проповеди, воздействие личности проповедника (как часто она оборачивается личиной!), выбор тем, затрагивающих самые болезненные и конфликтные проблемы в жизни верующих (горе, личные драмы, утрата близких, болезнь и т. д.), — все направлено к одной цели: воздействовать на нервный аппарат эмоций, который по самой природе своей включается тем энергичнее, чем ограниченнее возможность рационального выхода из сложившейся ситуации. Поясним сказанное примером.

Человек испытывает острую потребность в разрешении жизненного конфликта, он ищет и не находит выхода из труд-

ной ситуации, будь то одиночество, болезнь близкого, проявленная к нему несправедливость и т. п. Разрыв между информацией, необходимой для удовлетворения этой острой потребности, и сведениями, которыми человек реально располагает, активирует нервные механизмы отрицательных эмоций — тревоги, страха, обиды, гнетущей безысходности. И вот здесь-то человек и встречается с ложными, мнимыми, фантастическими объяснениями религии о неизбежности и пользе страданий, о благе долготерпения, о загробном вознаграждении. Из состояния дефицита информации он переходит в состояние исчерпывающей, избыточной информации об «истине», «справедливости» и «добре». Отрицательные эмоции не только резко ослабляются, но зачастую уступают место положительным эмоциям покоя, умиротворения, просветленной радости мнимого познания смысла и сущности бытия. Этот механизм срабатывает настолько эффективно, что во многих случаях человек искусственно усиливает потребность «пострадать», «подвергнуться искусу» для того, чтобы испытать положительные эмоции исключительно за счет информационной избыточности. Напомним, что для положительных эмоций в ситуации, где наличная информация больше прогностически необходимой, достаточно сильная потребность так же необходима, как и для любой отрицательной эмоции.

Возникает чудовищное, противоречащее всей сущности человека стремление к страданию, к лишениям, ко всякого рода «веригам», которое можно сравнить с тягой к разрушающим организм наркотикам. Поистине, религия — это «опиум для народа». Нужно ли говорить, как выгодно эксплуататорским классам, чтобы люди не только не восставали против страданий и лишений своего рабского положения, но и возводили эти страдания в ранг высшей добродетели, источник духовного покоя и удовлетворения!

Вся психологическая «практика» религии свидетельствует о том, как пронизательно оценили церковники эмпирически нащупанные ими закономерности деятельности мозга. Например, исповедь.

Разумеется, исповедь — это и возможность систематического контроля за настроениями верующих и блестящий образец «индивидуальной работы» с каждым из членов паствы — одна из разновидностей «обратной связи» для коррекции эффективности массового воздействия на прихожан. Однако нас сейчас интересует другой аспект проблемы.

Искренне верующий приходит к священнику со своими заботами, тревогами и конфликтами. В процессе рассказа он сам вынужден анализировать, систематизировать и осознавать те события и поступки, которые связаны с отрицательным эмоциональным напряжением. Даже односторонняя исповедь — это уже известная ликвидация информационного

дефицита. А замечания священника, его советы, его «отпущение грехов» тем более способствуют утолению «информационного голода». Отсюда чувство облегчения, покоя, восстановления душевного равновесия.

Во многих своих чертах исповедь напоминает приемы так называемого психоаналитического лечения, основанного на концепциях З. Фрейда, все еще широко распространенного в капиталистических странах. Психоанализ применяется для лечения неврозов. Суть его заключается в том, что врач объясняет больному причину симптомов его заболевания. Эта процедура нередко приносит облегчение и дает положительный терапевтический эффект при самой фантастической и произвольной трактовке сущности заболевания, бесконечно далекой от его истинных причин. Но такова мощь информационного дефицита в активации нервных механизмов эмоций, что заполнение пробелов истинного понимания явлений психоаналитическими суррогатами ведет к ослаблению эмоционального напряжения и возвращает больному утраченное самообладание. Насколько же эффективнее разъяснение больному не мнимых, а подлинных причин происхождения неврозов, действенная помощь в преодолении жизненных конфликтов, возвращение веры в свои силы и выздоровление! Именно эти задачи решает рациональная психотерапия, основанная на материалистических представлениях о закономерностях деятельности мозга.

Коварство непознанного

С первых шагов своего возникновения религия опирается на незнание. Мы хотим только подчеркнуть, что это не абстрактное незнание причин всего происходящего вокруг человека, а прагматическое незнание путей удовлетворения острейших потребностей человека — биологических и социальных. Религиозные представления возникли не потому, что люди оставались в неведении, есть ли жизнь на Марсе, почему дети похожи на родителей и отчего во время грозы гремит гром, а потому, что они далеко не всегда находили защиту от голода, болезней, рабства и социальной несправедливости.

Прекрасные отрывки из книги К. Ламонта «Иллюзия бессмертия» избавляют меня от необходимости обсуждать происхождение веры в загробную жизнь. Эта вера сперва возникла как естественный протест живого существа против смерти, как результат неудовлетворимой потребности в самосохранении, а потом была культивирована и закреплена интересами господствующих классов, ибо она активно способствовала примирению с рабским прозябанием на земле в ожидании райского блаженства или в страхе перед адскими муками.

Я хотел бы только подчеркнуть, как умело религия ис-

пользовала трудность опровержения мифа о загробной жизни. Это была поистине великолепная находка для церковников. Ведь с точки зрения формальной (а не диалектической) логики опровергнуть бессмертие души мог только человек, «вернувшийся с того света». Условия «эксперимента» исходно содержат невозможность его осуществления, даже случаи оживления после клинической смерти еще ничего не доказывают, ибо сам факт оживления свидетельствует, что человек «туда» не пришел.

Подчеркнем, что вопрос гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и эта сложность дает себя чувствовать не только при обращении к суевериям далеких эпох.

Совсем недавно в кулуарах совещания по философским проблемам кибернетики я разговорился с молодым ученым, давно восхищавшим меня своей эрудицией и логикой научных мышления. Говорили о телепатии, о «думающих машинах», о вземных цивилизациях. По какому-то поводу в разговоре прозвучало «бог».

— А вы не иронизируйте,— строго заметил мой уважаемый собеседник,— все обстоит гораздо сложнее. Можете ли вы опровергнуть мысль о том, что разумные существа подобрали планету Земля для гигантского опыта в области экспериментальной эволюции органического мира? Вот и идет этот космический эксперимент, а поколения Долгоживущих наблюдают за ним, фиксируют результаты, а иногда и... вмешиваются в ход событий. Чем вам не боги, пусть даже во множественном числе? Вы в состоянии опровергнуть мою гипотезу? — закончил он с торжеством.

Я подумал, что анализ заблуждений моего собеседника и тех, кто по разным поводам разделяет способ его мышления, может явиться прекрасной темой для наших философов-материалистов. Впечатления от могущества современной науки, от потрясающей неожиданности открытий в разных ее областях, от «странности» новых теорий так велики, что на них начинает паразитировать мысль о возможной истинности любого вымысла. Как правило, такие предположения сопровождаются трафаретным «ударом под ложечку». «Кибернетику тоже не признавали,— гремят поклонники телепатии, ясновидения, гипотезы о космических экспериментах над землянами и т. д. — а теперь?!»

Здесь все свалено в одну кучу. Во-первых, оправданный протест против некоторых интерпретаций кибернетики и неоправданное распространение этого протеста на кибернетику в целом не были связаны с фактическим опровержением научно доказанного в области молодой науки. Но самое главное состоит в том, что в подлинной науке всегда должна существовать незыблемая «презумпция установленного». Ученым нет нужды проверять и доказывать ложность голослов-

ного утверждения, пусть авторы докажут его истинность. Иначе наука будет заниматься не познанием окружающей действительности в интересах человечества, что все более превращает ее в непосредственную производительную силу общественного прогресса, а проверкой «предположений», которые можно нафантазировать в любом количестве.

Религия давно открыла психологическую действенность трудности опровержения. Миф о загробной жизни, о Верховном Существо, пути которого «неисповедимы» (сравни с неизвестным нам планом «космического эксперимента» из гипотезы моего собеседника), послужил ей не одно тысячелетие. На дефиците информации о возможности если не бесконечной, то хотя бы долгой жизни, справедливости, которой человек не находил на земле, на эмоциях, порожденных этим дефицитом, религия формировала веру в бога и загробную жизнь. И вера становилась антизнанием, потому что знание могло только поколебать и разрушить ее.

Знать или верить? Верить и знать!

В отличие от животных, эмоции которых пассивно отражают сложившуюся ситуацию удовлетворения потребностей, человек с помощью речи и художественной деятельности может активно влиять на эмоции путем формирования информационного прогноза о путях достижения биологических и социально детерминированных целей. Восполняя недостаток реальных знаний вымыслами и догмами, религия получает тот эмоциональный эффект, который «заряжает» и поддерживает веру в истинность религиозных мифов.

Но вера — это не только и обязательно плод невежества. Существует вера, основанная именно на результатах познания, опирающаяся на успехи познавательной деятельности, в которых она черпает свою силу и непоколебимость. Без такой веры, в сущности, немыслима никакая наука.

Один из основателей кибернетики, Норберт Винер, пишет: «...наука невозможна без веры. Под этим я не имею в виду, что вера, от которой зависит наука, является по своей природе религиозной или влечет за собой принятие каких-либо догм обычных, религиозных верований, однако без веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки»¹.

Вера ни в какой мере не тождественна сумме знаний, это всегда некоторая экстраполяция познанного на возможное будущее, смелый вероятностный прогноз, основанный на твердо установленных закономерностях. В этом решающее отличие уверенности материалиста от слепой веры религиозного фанатика.

¹ «Кибернетика и общество». М., 1958, стр. 195.

Мы верим, что здоровые силы человеческого общества, коллективная воля людей предотвратят термоядерную войну. Эта вера основана не на приятном самоутешении, она опирается на знание закономерностей исторического развития. Вот почему нам чужда мораль обалдевшего от страха мещанина: «Бери от жизни все (все — это половая распущенность, эгоизм, разгул низменных инстинктов), пока на горизонте не вырос атомный гриб». Но мы не отождествляем веру с абсолютной истиной и, веря в мирное развитие, укрепляем свою обороноспособность на случай возможной агрессии атомных безумцев.

В самые трудные моменты минувшей войны, в самых трагических обстоятельствах советские люди свято верили в грядущую победу над врагом. Эта вера не была продиктована слепым фанатизмом. Годы Советской власти, марксистско-ленинское мировоззрение воспитали уверенность в неодолимости нового общественного строя, в неисчерпаемости его внутренних сил. Вот почему человек сохранял веру в победу даже в той ситуации, где ближайшие и непосредственные факты, казалось бы, свидетельствовали о военных преимуществах врага. Восполняя временный дефицит сведений о действительном положении на фронтах, о мерах, предпринимаемых в тылу нашей страны, о стратегических планах командования и т. д., вера придавала советским людям силу и твердость в мрачной изоляции фашистского плена. Эмоции страха, безысходности и тоски отступали перед гордой уверенностью непобежденных.

Борьба с религией — это не только разрушение веры путем логического опровержения несостоятельности церковных догматов. Это — вытеснение и замена веры в «боженьку» верой в способность человека самому решить свои земные дела, преобразовать жизнь в интересах громадного большинства тружеников, верой, основанной на знании и восполняющей этим знанием общих законов частные случаи информационного дефицита.

Вера сильна еще и тем, что она может быть сообщена другим людям срочно и непосредственно, без необходимости полного логического заполнения информационного дефицита. Человек, твердо убежденный в чем-то благодаря обширности и глубине своих познаний, может передать эту уверенность другим людям, «перешагнув» через длительный и сложный процесс усвоения окружающими того, что известно ему. Это не значит, что мы отдаем предпочтение вере перед знанием и возвеличиваем слепое почитание «личностей». Но в определенных экстренных случаях непосредственный пример, страстная речь, решительность поступков увлекают людей до того, как они во всех деталях убедятся в правоте предлагаемого плана. И они идут за пылающим сердцем Данко, потому что

верят ему. В ситуации, где судьба людей решается на протяжении минут, было бы ханжеством требовать обстоятельных логических разъяснений и преступлением — отказываться от непосредственного эмоционального воздействия.

Человек должен верить. Впрочем, что значит — «должен»? Безверие, утрата высоких общественных и нравственных идеалов заменяют многообразие человеческих эмоций нехитрым набором наиболее примитивных инстинктов. И никакой запас формальных знаний в области новейшей физики, математики и даже литературоведения не поможет духовно нищему «интеллектуалу».

Знать или верить? Верить и знать!

*Американский философ и прогрессивный
общественный деятель К. Л а м о н т*

ИЛЛЮЗИЯ БЕССМЕРТИЯ

Идея потусторонней жизни у древних и первобытных народов

Древние народы были, по существу, совершенно неспособны представить себе полное и счастливое потустороннее существование без сохранения естественного тела. В качестве убедительных примеров подобного рода воззрений мы можем указать на ветхозаветных евреев с их шеолом, на гомеровских греков с их гадесом, ранних римлян с их орком и вавилонян с их аралу. Все эти народы, с немногими оговорками, полагали, что души умерших, когда их тела разлагались и они лишались земной оболочки, отправлялись в мрачный и темный подземный мир, лишенный этического значения. Там печально, бесцельно и бесконечно бродят они, как бедные, слабые призраки своих собственных прежних «я». То, что самым удобным и обычным способом решений судьбы мертвых тел было их захоронение под землей, несомненно, явилось самым важным фактором, приведшим к локализации потустороннего мира в подземном царстве. В самом деле, люди часто думали, что тени умерших фактически обитали в самих могилах или гробницах, где помещались тела. Куда уходили тела умерших, туда же уходили и души. Таким образом, с самого начала в верованиях ранних культурных групп мы обнаруживаем свидетельство в пользу существования представления о тесной связи между телом и личностью.

Обычно мы слабо представляем себе, что в большей части Библии, в Ветхом Завете, содержатся довольно мрачные взгляды относительно перспектив бессмертия. В своих сохранившихся до наших дней сочинениях древнееврейские проро-

ки, по-видимому, гораздо больше озабочены будущим благосостоянием их племени или народа на этой земле, чем счастливым потусторонним существованием индивидуума. Пробьет час, и бог определит меру соответствующего вознаграждения и наказания людям, но местом осуществления этих вознаграждений и наказаний будет этот мир. Окончательным же знаком привязанности бога к израильтянам, избранному народу, будет перенесение их на небеса, или в Новый Иерусалим, здесь, в этом земном мире. Но решающим моментом в главном обсуждаемом нами вопросе является то, что господствующие психологические концепции Ветхого Завета по меньшей мере не поощряют веры в желательную будущую жизнь.

Действительно, первая из концепций, которую мы рассмотрим, с неумолимой логикой указывает на то, что личность после смерти погибнет. В основе этой концепции лежит рассказ о сотворении человека, находящийся в первой части книги Бытия: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душой живою». Здесь душа является функцией материального тела, которое было оживлено дыханием жизни. Во время смерти это дыхание жизни остается, но поскольку оно представляет собой лишь безличную силу, общую всем людям и животным, оно возвращается назад к богу; между тем личность, созданию которой оно способствовало, просто обращается в ничто, а тело, которое оно одушевляло, снова превращается в прах. На основе этой полумонистической психологии такой конец неизбежен, если только не произойдет воскресения тела или телесного перенесения перед смертью в другой мир, как это случилось с Енохом и Илией.

В связи с этим через все книги Ветхого Завета проходит ярко выраженный лейтмотив — идея уничтожения личности во время смерти. «Живые знают, что умрут, — говорит Екклесиаст, — а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния потому, что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть, и ревность их уже исчезли, и нет им более чести вовеки ни в чем, что делается под солнцем. Итак, иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим... Наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости». «Нет у человека преимущества над скотом, потому что все суета! Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах». А псалмопевец взывает к своему богу: «Ты возвращаешь человека в тление... ты как наводнением уносишь их; они, как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером

подсекается и засыхает». «Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня».

Имеется целый ряд и других мест, говорящих о том же самом; саддукеи, которые представляли собой важную и влиятельную ветвь иудаизма, придерживались таких же взглядов, которые сознательно включались ими в их религиозные учения.

Другая главная психологическая концепция, содержащаяся в ветхозаветных писаниях, хотя и не подразумевает уничтожения после смерти, но не говорит и о сколько-нибудь удовлетворительном потустороннем существовании. Согласно этой концепции, человек — это сложное целое, состоящее из тела, с одной стороны, и духа, или души, с другой. Дух и душа фактически означают одно и то же по существу и по происхождению, но термин «дух» стал означать более сильную сторону души. При уничтожении тела дух прекращает свое существование и в шеол опускается одна душа, которая чрезвычайно ослаблена, поскольку она больше не объединена с духом. Поэтому естественно, что душа больше не может продолжать свою прежнюю полную и энергичную жизнь, о чем соответствующим образом и сообщается в рассказах о шеоле. «Оставь, — сетует Иов, — отступи от меня, чтобы я немного ободрился, прежде нежели отойду, — и уже не возвращусь, — в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма». Самое слово «шеол» выдает характер этого подземного мира, ибо этот термин сначала просто означал коллективные могилы племени или народа. И действительно, представление о шеоле никогда не утрачивает печальных и мрачных черт, связанных с могилой.

Хотя отдельные авторы и пророки, особенно к концу ветхозаветного периода, под влиянием того, что бог все не устанавливал земного рая для Израиля, а также под влиянием растущего чувства индивидуального достоинства и ответственности, иногда упоминают о надежде на счастливое бессмертие, но тон этой книги в целом решительно не таков. Да и те намеки на достойную будущую жизнь, которые встречаются в Ветхом Завете, постулируют воскресенье — постулат, превратившийся в конце концов в ортодоксальную точку зрения христианства. Если мы будем учитывать господствующие психологические концепции Ветхого Завета, характеристику которых я дал выше, подобный выход будет совершенно понятен: тело настолько жизненно важно для полнокровной жизни личности, что без него так же нельзя обойтись в потустороннем мире, как и в нашем.

Обращаясь к гомеровским грекам, мы находим у них примерно то же, что и у евреев. «В тленной обители холодного гадеса», как называет Гесиод загробный мир, скитаются

укрытия тел царей. Знатные люди и богачи отдавали громадные суммы специалистам на бальзамирование своего тела после смерти и на повседневную и вечную заботу об этих телах. Мумии тщательно обертывались материей, часто их клали в два и даже в три гроба, входящих один в другой. Для того чтобы навсегда сохранить личную идентичность умершего, на верхнем слое ткани, которой обертывалось тело, часто изображали его черты или прикрепляли к его голове маску, снятую с него. Перед окончательным захоронением делались усиленные попытки вернуть телу, насколько это было возможно, то, что оно потеряло при смерти.

Громадные затраты времени, энергии и мысли на мумификацию и дополнительные обряды у египтян ясно показывают, что для них был невозможен желательный потусторонний мир без сотрудничества со старым земным телом. Я мог бы привести примеры верований и обрядов, очень похожих на египетские, у других народов и даже — если говорить о великой цивилизации инков в Центральной и Южной Америке — в другом полушарии.

Если мы обратимся к более примитивным народам, мы можем найти и у них убедительные иллюстрации нашего центрального тезиса. Предполагаемая тесная связь между личностью и естественным телом даже после смерти имеет решающее значение для широко распространенного верования, будто душа не найдет покоя и, чувствуя себя несчастной, вернется на землю, чтобы являться живым и докучать им, если тело не будет схоронено, подвергнуто кремации или какому-либо другому приличествующему обряду. Избавиться от тел умерших — наилучший способ избавиться от их призраков. У очень многих племен встречается обычай выносить тело из жилища через какой-нибудь другой, а не через обычный выход, с тем чтобы дух не смог найти путь обратно. Общий принцип, на котором основан целый ряд подобных обычаев, состоит в том, что всякое действие по отношению к мертвому телу серьезно повлияет в ту или другую сторону на остающуюся в живых душу.

Крайней формой применения этого принципа является намеренное калечение мертвых тел, наблюдаемое у многих первобытных народов. Боясь вреда, который может причинить мертвец, они связывают члены его тела, хоронят его под высоким холмом земли и накладывают сверху тяжелые камни. Некоторые племена связывают у мертвецов вместе пальцы обеих ног, большие же пальцы рук связывают за спиной или вонзают в пятки шипы, чтобы дух не мог ходить. Если же они имеют дело с телом врага, то предпочитают прибегать к самым чрезвычайным мерам. Чтобы помешать призраку сражаться, они ломают спинной хребет трупа, или отрубают у него кисти рук и ступни, или выкалывают глаза и отрезают

уши. Некоторые дикари думают, что они могут уничтожить душу врага, если они съедят его тело или уничтожат его кости. Некоторые племена распространяют такие же предосторожности на убитых ими животных, боясь, как бы призраки этих жертв не отомстили мы каким-либо неприятным образом. Эта наивная практика напоминает применявшиеся на протяжении веков методы защиты от упырей — оживших мертвецов, которые выходят из могилы и поддерживают существование тем, что сосут кровь живых людей. Самый обычный способ избавиться от упыря состоял в том, чтобы загнать ему в тело и в сердце кол. Очевидно, что при всех этих различных видах калечения имеется в виду, что состояние мертвого тела в значительной степени будет влиять на состояние оставшегося в живых духа.

По тем же причинам у некоторых племен существовал обычай убивать людей до того, как они достигнут дряхлости, поскольку иначе они не смогут вести здоровую и активную жизнь в потустороннем мире. Среди китайцев одно время существовало определенное предпочтение удушения и расстрела обезглавливанию, поскольку у безголового тела окажется и безголовая душа. Возвращаясь снова на некоторое время к ветхозаветному шеолу, мы узнаем, что тени убитых мечом носят на себе следы насильственной смерти, а тени умерших от горя всегда сохраняют следы горя. В Вергилиевой «Энеиде» Дидона странствует по лесам гадеса с «еще свежей раной».

Таким образом, древние и первобытные народы считают, как правило, что обитатели потустороннего мира более или менее точно воспроизводят черты, которые отличали их в момент смерти.

Как мы уже указывали, естественному телу отводится такая значительная роль в драме потустороннего существования вследствие самых разнообразных причин. Некоторые критики объясняют эту роль главным образом методами захоронения. В связи с этим профессор Пратт высказывает предположение, что большое значение имеет западный обычай погребения мертвого тела в неповрежденном виде и в определенном месте, которое можно посещать. В Индии, говорит он, преобладает другой обычай, который оказывает большое влияние на психологию индусов. «Тело умершего друга сжигается через несколько часов после смерти, пепел высыпается в реку и навсегда рассеивается. Не остается никакого тела, никакой могилы, на которых человек мог бы сосредоточить свои мысли об умершем. Если он будет думать об усопшем, он не может думать о его теле, а должен думать о его душе».

Далее, если говорить об индусах, то, согласно их религии, души умерших безвозвратно оставляют свои прежние естест-

венные тела и скоро входят в другие естественные тела и становятся их владельцами. Их души оказываются перевоплощенными в грядущие поколения людей и всякого рода животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых и рыб. Для индуса лучше жить в образе и плоти коровы, вороны или кобры, чем вообще не иметь никакого тела. Таким образом, индусы предоставляют людям для существования после смерти легко воображаемую и, несомненно, существующую среду естественного мира, включая сюда и тела. Поступая таким образом, они еще раз подкрепляют наше утверждение, что, как бы ни поступали с мертвецами, чтобы придать загробному царству как образную реальность, так и интеллектуальную приемлемость, в высшей степени необходимо снабдить души в потустороннем мире телами. И хотя древние и первобытные народы, взгляды которых мы рассмотрели, конечно, по большей части не выясняли теоретически этого вопроса для себя, они, по-видимому, по интуиции или в силу здравого смысла признавали монистический принцип, состоящий в том, что личность и тело неотделимы и сопутствуют друг другу.

Бессмертие и бог

«Все люди смертны» — этими словами начинается самый знаменитый из силлогизмов, гласящий далее: «Сократ — человек» и, «следовательно, Сократ смертен». Отрасль философии, известная под названием логики, превозносила этот силлогизм как пример совершенного рассуждения; мало того, философия в целом потратила очень много времени и массу энергии на исследование того, в чем заключается подлинное и полное значение этого силлогизма. Считалось, что от значения этого силлогизма зависят судьба человека, участь наций и даже существование бога. Суть вопроса заключалась в следующем: насколько серьезно мы должны относиться к высказыванию о том, что люди и Сократ смертны. Ведь существует известное противоположное высказывание по этому вопросу, что люди и Сократ бессмертны или по крайней мере бессмертно то, что мы называем их личностями или душами. И в самом деле, сам Сократ, если верить «Диалогам» Платона, был одним из первых философов, выдвинувших гипотезу бессмертия души.

Поставим вопрос по-другому: когда люди умирают, а это, как каждый должен допустить, действительно происходит с ними, умирают ли они действительно, то есть остаются ли они мертвыми? Или, как это формулирует Иов: «Если человек умрет, то будет ли он снова жить?»

Не может быть сомнения о том, что эта проблема смерти — или тайна смерти — была одним из первых и главных стимулов философского исследования. Опять-таки именно Сократ,

согласно платоновскому диалогу «Федон», называл философию размышлением о смерти, что, выражаясь проще, означает размышление о том, смертен человек или бессмертен. По различным причинам вошло в привычку говорить о проблеме бессмертия, а не о проблеме смерти или смертности. Имея это в виду, мы можем сказать, что история философии в значительной степени подтвердила высказывание Сократа. Для философов — древних, средневековых и современных — идея бессмертия всегда имела большое значение как непосредственно, в форме определенного обещания или надежды, так и в скрытом виде, как метафизическое предположение или эпистемологическое построение. Это и не удивительно. Ведь философы в конце концов только люди, и их взгляды не могут не отражать в значительной степени культуры той эпохи, в которой они живут.

И вот изучение истории культуры, по крайней мере на Западе, свидетельствует о том, что идея бессмертия, может быть, играла даже более важную роль, чем идея бога. Так, тонкий философ и проницательный психолог Уильям Джемс заметил: «Действительно, для огромного большинства людей белой расы религия означает прежде всего бессмертие — и, пожалуй, ничего больше. Бог есть создатель бессмертия». Мигель де Унамуно, великолепный испанский писатель, рассказывает: «Разговаривая однажды с крестьянином, я предложил ему рассмотреть гипотезу, что, может быть, действительно существует бог, который правит небесами и землей... но что при всем том душа каждого человека, быть может, не бессмертна в обычном конкретном смысле. Он возразил: «Тогда для чего же бог?» Прочитируем другой, американский источник, для которого характерна чисто американская манера выражения: «Большинство мужчин и женщин хотело бы более всего гарантировать себе вечную жизнь, чем что-либо другое. Если бы привилегия вечной жизни была предметом сбыта, она продавалась бы дороже всех товаров, когда-либо предлагавшихся человечеству». Следует полагать, что она ценилась бы дороже, чем бог. По-видимому, что-то подобное имел в виду Лютер, когда он с негодованием воскликнул: «Если вы не верите в будущую жизнь, то я и гроша не дам за вашего бога». И даже поэты присоединяются к нему. Вспомним заявление Теннисона: «Если бессмертия нет, тогда не бог, а насмешливый бес сотворил нас».

Такой ход мышления опять-таки не удивителен. Все эти авторы писали в духе христианской традиции. И, может быть, ни одна другая великая религия не настаивала так сильно на бессмертии, как христианство. С самого начала распространения этой веры апостол Павел смело и ясно выразил ее центральное учение: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... И если мы в этой

только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков». Позднее святой Августин учил, что «только христиане верят в воскресение из мертвых, и эта вера отделяет... христиан от всех других людей». Несмотря на то, что существовало много несогласных с толкованием Павла и Августина, едва ли можно сомневаться, что в целом именно их точка зрения была преобладающей.

Воскресение Иисуса из мертвых к вечной жизни было не только несомненным и безошибочным признаком его божественности, но и залогом того, что люди вообще также встанут из своих могил. Эта решительная и драматическая победа над смертью, по-видимому, самым великим врагом человечества, доказала не только то, что Иисус — это сын божий, но и то, что все люди — дети божьи. О какой более прочной и более постоянной основе могла мечтать любая религия, чем победа над могилой? И в самом деле, одной из главных причин того, почему христианство в конце концов победило в древнем средиземноморском мире, было то, что оно было очень привлекательным для сторонников существовавших религиозных культов, для которых важное значение имела будущая жизнь. Не может быть никакого сомнения в том, что христианство возникло прежде всего и главным образом как религия, побеждающая смерть.

По мере своего развития христианская церковь приукрасила и усилила значение наивного представления о бессмертии, доказательством существования которого служил Иисус. Потусторонняя жизнь стала сложным и запутанным калейдоскопом различных небес, адов и чистилищ; между тем потусторонняя жизнь стала бесконечной последовательностью таинств — таких, как крещение, конфирмация, епитимья, соборование и причастие, которые все осуществляются ради будущего мира. Евхаристия, или причастие, — самый распространенный из всех христианских обрядов; это по преимуществу таинство, приносящее бессмертие; для верующих оно является доказательством бессмертия души — путем мистического акта действительного сопричастия к природе вечного бога...

Забота о загробной жизни сильно стимулируется и католической практикой посредничества живых в пользу душ чистилища — путем ли заупокойной мессы, системой ли индульгенций или с помощью индивидуальных молитв. «Мы любили его в течение жизни, — говорит святой Амвросий. — Не будем же покидать его, пока мы не приведем его нашими молитвами в дом господень». Иногда поддержку может оказать другая сторона: немало католических авторитетов утверждает, что души мертвых могут помочь живым своими молитвами. Ежегодное празднование дня поминовения всех усопших является вариацией на ту же тему. Даже в нашем XX столетии кресть-

яне во многих католических странах верят, что духи умерших снова посещают свои дома в ночь поминовения всех усопших и едят пищу живых. В Тироле для них оставляют на столе молоко и пироги, а в Бретани с наступлением ночи люди собираются на кладбище и льют молоко или святую воду на надгробные плиты. Подобные обычаи широко соблюдались — и соблюдаются еще и теперь — в день всех святых, праздник в честь святых церкви.

Хорошо известно, что в царстве бессмертия добродетельный человек будет наслаждаться удивительным счастьем и будет полностью вознагражден за все беды здешнего мира. Высшая радость, возможная в раю, — это встреча лицом к лицу с богом, союз с ним в блаженном видении, так упоительно описанном Данте в последней песне «Божественной комедии». Именно это верующие и имеют в виду, когда они в экстазе говорят о наслаждении богом на веки вечные. Но мы можем сомневаться, имеет ли бог даже в этой связи первостепенное значение для громадного большинства. Мы подозреваем, что первостепенным является вечное блаженство святых душ. Бог — это высший объект потустороннего мира, дающий наслаждение. И хотя многие заявляли, что они будут охотно терпеть вечные муки во славу божью, они, говоря это, признавали, что подобная набожность почти наверняка принесет им как раз противоположное.

Бог представляет собой также высшее лицо загробного мира, получающее наслаждение. Он чистая и совершенная личность, свободная от всяких земных ограничений и колебаний, и, как таковой, он свободен, счастлив и бессмертен — чудесный пример всего того, о достижении чего может мечтать человек. Хотя бог — самая необходимая часть небес, он только на небе мог существовать. Действительно, мы можем согласиться с Людвигом Фейербахом, что «бог есть духовное небо, а небо есть чувственный бог» и что «между абсолютной жизнью, которая мыслится как бог, и абсолютной жизнью, которая мыслится как небо, нет никакого различия, так как все, что в небе распространяется в длину и ширину, в боге сосредоточено в одной точке». Однако в этом принципиальном тождестве бога и бессмертия приоритет все же принадлежит бессмертию. Бог был бы мертв, если бы не существовало бессмертия. И ясно, что вера в загробную жизнь была широко распространена задолго до того, как получила широкое признание идея о едином боге.

В новое время на приоритете бессмертия столь усиленно настаивают, что существование бога более открыто и чаще, чем когда-либо раньше, выводится из существования будущей жизни. Мы уже цитировали Лютера и других деятелей нового времени, придерживавшихся подобной точки зрения. Но самый важный пример дает Иммануил Кант. У Канта

бессмертие является условием надлежащего выполнения категорического императива, великого кантовского морального закона. Потом вводится бог, чтобы гарантировать бессмертие, которое делает необходимым моральный закон. Преподобный Гарри Эмерсон Фосдик, самый выдающийся из модернистской группы протестантской церкви, следует кантовскому рассуждению, делая его более ясным. «Совершенно очевидно, что если мы станем оспаривать бессмертие, тем самым, — говорит Фосдик, — подвергается угрозе благодать бога, потому что если смерть — это конец всего, то бог создает людей, как песочные домики на берегу, нисколько не заботясь о том, что роковая волна полностью их разрушит... Вселенная явно недружелюбна, если она с таким трудом воздвигла моральную жизнь человека только для того, чтобы свалить ее, как картонный домик».

Эволюция современной религии в значительной мере объясняет существование подобных мыслей. Тонкий знаток религиозной психологии профессор Джеймс Б. Прэтт проникает в самую суть вопроса, когда пишет: «По мере того как вера в чудеса и удовлетворение конкретных просьб, выраженных в молитвах, а также во вмешательстве сверхъестественного в естественное постепенно исчезала, почти единственная прагматическая ценность сверхъестественного, оставшаяся у религии, — это вера в личную будущую жизнь».

Для все большего и большего числа современных людей бог, если только он не является «ненужной гипотезой», действительно стал своего рода богом в отставке, который, достигнув почтенного возраста, мирно удалился к удовольствиям профессорского созерцания, или же — абсолютом, бесконечным, единственным, мистической формулой, которые так же абстрактны, как теория относительности, только еще менее понятны. У бога нет больше, как в учении Ньютона, даже обязанностей по управлению движением самых далеких звезд и комет.

Итак, в современном мире богу мало что осталось делать, кроме выполнения функции благосклонного поставщика человеческого бессмертия. По мере того как его личность становится все более неясной и пустой, прежнее ощущение тепла и близости, ассоциировавшееся с богом, исчезает, и самой популярной сверхъестественной его заменой оказывается общение с умершими...

В самом деле, совершенно ясно, что только бессмертие может как-то компенсировать невзгоды этого еще столь несовершенного мира и особенно потерю близких. Если пробуждение в благословенном будущем было бы в такой же мере законом природы, как наше ежедневное пробуждение далеко не благословенным утром, то не требовалось бы никакого бога, долженствующего играть роль космического фи-

лантропа для страждущего человека. И если бы человеческие личности продолжали существовать до скончания века, не было бы необходимости ни в каком боге для сохранения великих моральных и социальных ценностей. Но торговцы небесными ценными бумагами, понимая, что защита гипотезы о будущем жизни требует спасительного вмешательства чего-то большего, чем естественные силы, вынуждены были призвать бога в качестве гарантии того, что приобретение райских привилегированных акций является надежным и верным капиталовложением. И здесь бог опять является вторичным.

Хотя можно было бы допустить, что господь по временам исправляет земные неполадки, все же большая часть человечества кончает свои дни, очень и очень нуждаясь в каком-то новом мире, в котором люди получили бы вознаграждение за печали старого мира. С точки зрения этики опыт Иова оказался почти всеобщим: что касается земли, то, очевидно, ни праведные, ни неправедные в целом не получают того, что они по справедливости заслужили. Именно по этой причине и католики и протестанты все еще доказывают, что даже если признать несомненным существование бога, конец веры в будущую жизнь будет означать конец этического поведения в этой жизни. Оказывается, что всемогущий как блюститель и проводник нравственности мало что может сделать без царства бессмертия; и, по-видимому, в этом царстве он чувствует себя значительно лучше, чем на земле.

Существуют и другие основания, корнящиеся глубоко в человеческой психологии, которые помогают объяснить, почему вопрос о бессмертии мог иметь первичное значение. Во-первых, существует ясное как для самой утонченной философии, так и для здравого смысла различие между телом и личностью, или душой. Сновидения и трансы подкрепляют здесь свидетельства ежедневной жизни. А смерть дает самое убедительное и драматическое подтверждение этого взгляда: личность исчезает (куда — это тайна), но тело остается, твердое и реальное. Во-вторых, оказывается, что очень трудно представить себя несуществующим. Мы можем представить себе свою собственную смерть и даже свои собственные похороны, но именно мы представляем это. Мы свидетели событий после нашей смерти. Не имеет значения, как далеко мы зайдем в нашем воображении вперед, в будущее или как далеко назад, в прошедшее; мы сами неизбежно остаемся зрителями проходящего шествия. Это эгоцентрическое мышление цепко держит нас в своих лапах; оно заставляет неискушенных людей стихийно верить в бесконечную жизнь. И, наконец, в-третьих, существует врожденный животный импульс, заставляющий нас цепляться за жизнь и избегать смерти со всей решимостью, накопленной в ходе вековой борьбы видов за существование. Другие эмоции могут иногда оттеснить эту

волю к жизни на задний план, но в обычных обстоятельствах это господствующая страсть.

Именно такие характерные черты человеческой природы, а они ни в коей мере не исчерпывают мотивов, поддерживающих представление о будущей жизни, способствуют тому, что желание бессмертия, потенциально существующее в каждом человеческом сердце, легко пробуждается и развивается, очень часто превращаясь в более или менее постоянную духовную позицию отдельного человека или отдельной цивилизации. Эти же черты делают веру в бессмертие естественной в том смысле, что она может легко возникнуть без навязывания извне; конечно, такая вера может возникнуть с большей вероятностью, чем вера во всевидящее божественное провидение. По-видимому, дети и первобытные люди считают непрерывность жизни само собой разумеющейся, а в том, что существует факт смерти, их нужно еще убедить. Но дети и первобытные люди, очевидно, не считают чем-то само собой разумеющимся существование бога, особенно более высоко развитого бога монотеистических религий...

Было бы глупо отрицать, что большинство людей считало идеи бога и бессмертия неразрывно связанными идеями, которые вместе существуют или вместе гибнут. Но неразделимая связь представлений или вещей не обязательно предполагает их одинаковую важность. Если, с одной стороны, принимают, что существование бога уже само по себе означает существование будущей жизни, то это именно потому, что в самом определении бога скрыто подразумевается его способность гарантировать бессмертие. Хотя гарантия, конечно, очень важна, но в конечном счете главное это то, что гарантируется. Именно это интересует людей, идет ли речь о безопасности до смерти или после смерти.

Итак, бессмертие остается первичным. С другой стороны, если считать, что продолжение жизни после смерти само по себе предполагает существование бога, а отсутствие будущей жизни подразумевает отсутствие бога, то к вышеуказанному заключению можно прийти гораздо легче потому, что совершенно ясно, что в таком случае существование бога вытекает прежде всего из уверенности в существовании бессмертия.

Конечно, есть как отдельные люди, так и целые народы, для которых идея бога куда более важна, чем идея бессмертия. Иегова ветхозаветных евреев был неизмеримо важнее для них, чем их ничтожная будущая жизнь. Действительно, в тех случаях, когда бессмертие ценилось не столь высоко, его значение по отношению к богу или к богам неизбежно было значительно меньше. И во все времена, несомненно, существовало какое-то количество людей, профессиональных философов и других, которые верили в бога, но не верили в бессмертие. Нужно заметить, что для таких людей большое

значение имела проблема бессмертия в отличие от веры в бессмертие. Сталкиваясь с фактом смерти, они вынуждены были в связи с этим прийти к какому-то заключению; они должны были решить, смертны они или нет. Они решили, что они смертны. Древние евреи решили, что существует загробная жизнь, но что она очень непривлекательна; это имело далеко идущие последствия для всей их философии жизни...

Важность постановки вопроса

Однако для того, чтобы показать, какое коренное значение имеет проблема будущей жизни, нет необходимости определенно устанавливать относительное значение идеи бессмертия по сравнению с другими религиозными и философскими идеями. Ее громадное значение для человечества становится очевидным при самом поверхностном анализе. Человек такого масштаба, как Бенедикт Спиноза, писал: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». Но Спиноза, следует напомнить, уже пришел к заключению, что личного бессмертия не существует. Для него самая значительная проблема, связанная со смертью, была решена. Поэтому для него было сравнительно легко, откинувшись на спинку кресла, с удовлетворением сознавать, что он свободен от необходимости размышлять о своей судьбе после смерти.

Такие свободные люди перестают размышлять о смерти, потому что они достигают понимания ее значения и ее места в мире, который является для них родным домом. Но необходимой предпосылкой такого понимания для каждого должно быть долгое и тщательное размышление об этом неизбежном событии, которое постигает всех людей. Рано или поздно каждый смертный должен направить свой интеллектуальный взор смерти в лицо и выяснить свое отношение к этому слишком знакомому всем незнакомцу. Даже агностик со своим жалобным «я не знаю» занимает в этом отношении какую-то позицию. Пусть даже неизбежность его собственного земного конца не заставляет человека серьезно подумать о смертности и бессмертии, но смерть друзей, членов семьи, даже совершенно незнакомых людей, гибель человеческого рода (наступление которой некоторые ученые предсказывают в отдаленном будущем) должны непременно заставить его поразмыслить над этим вопросом.

Цивилизация, экономические системы, переселения народов, периоды войны и мира могут появляться и исчезать, но вопрос о смерти продолжает оставаться. Он связывает в одно общее смущенное и расстроенное человечество, все тысячи тысяч поколений людей, все мириады племен, рас и наций, все различные группы, типы и классы человечества. Однако

в условиях нашей современной машинной цивилизации потребность в здоровом и трезвом анализе этой проблемы, может быть, является более настоятельной, чем когда-либо ранее. В XX столетии внезапная смерть от несчастного случая вследствие рискованного предприятия или в результате преднамеренного насилия столь часто встречается и о ней так много и широко вещают, что лишь немногие могут избежать мрачного впечатления от всего этого. Автомобили, самолеты и железная дорога отнимают такое количество жизней, что вам едва удастся уйти от мысли, что ваша очередь может оказаться следующей. И всегда имеется опасность — независимо от того, воин вы или мирный житель, — что далеко зашедшее варварство современной войны превратит вас в свою жертву. Эта возможность в громадной степени возросла с момента изобретения ядерного оружия, после взрывов которого по всему миру распространяются радиоактивные осадки, опасные для здоровья и самой жизни. И, наконец, имеются обычные события — болезнь и старость. Общие итоговые цифры смертей достигают гигантских размеров.

...Хотя концепция вечной жизни была не единственным фактором, лежавшим в основе метафизического и этического дуализма, столь характерного для христианства, она тем не менее имела очень большое влияние. По всей вероятности, именно эта концепция главным образом вызвала к жизни тот этический взгляд, который противопоставляет дух плоти и рассматривает инстинкты и желания естественного тела как явления дурные, унижающие человека и подлежащие подавлению. Эта концепция, видимо, была основной предпосылкой всей христианской философии потусторонности, согласно которой судьба человека находится в другом мире, с этой земной юдолью слез. Доктор Джон Бэйлли пишет: «Именно когда старая обеспокоенность вечностью стала исчезать и традиционная эсхатологическая картина — это широкий триптих ада, чистилища и рая — стала терять свою власть над воображением, в стране впервые стал ясно слышен призыв к социальной реформе... Стремление к политической свободе, движение за освобождение обездоленных классов, отмена рабства, введение всеобщего образования, постепенная эмансипация женщин и, наконец, несвоевременно родившееся движение за окончание войны — все это типичные продукты нашего времени, определенно связанные с нынешним сдвигом в воображении от вечных перспектив к временным».

Но этот сдвиг в воображении не означает, что влиянию прежней точки зрения наступил конец. Эта прежняя точка зрения «оставила свой отпечаток на общепринятых моральных кодексах Запада вплоть до наших дней, и она даже сейчас, по-видимому, делает невозможным простое, от всего сердца, наслаждение благами естественного существования».

Вероятно, свое наиболее широкое воздействие учения о бессмертии оказывали косвенно: они не являлись постоянно присутствующим побудительным фактором. Сомнительно, чтобы их непосредственное воздействие было так велико, как, например, могли бы заставить нас предположить официальные данные о религиозных группах, исповедующих веру в потусторонний мир. Дело в том, что многие лица, официально принадлежащие к той или иной церкви, особенно в новейшее время, фактически не принимают во внимание учения о потусторонней жизни; иногда они ограничиваются лишь полuverой, иногда — просто надеждой, предпочитая сохранять об этом предмете туманное представление; это для них как бы некий лимб частично устраненных трудностей, к которому можно прибегнуть с целью утешения, но которым обычно пренебрегают. Однако в том случае, если в это учение сильно и искренне верят, оно, несомненно, имеет большое значение в жизни верующих в него. Например, в 1933 году член палаты представителей Соединенных Штатов Америки Сэмюэл Кендэлл совершил самоубийство спустя четыре месяца после смерти жены и оставил своим детям записку, в которой, между прочим, говорится: «Мама звала меня к ней и маленькому Вэну на небо; я больше не могу противиться их призыву и иду к ним. До свидания».

Трагедия Кендэлла выделяется своим драматизмом, но она лишь один из многочисленных случаев подобного рода в Америке и за границей.

Если констатация наличия бессмертия как основного факта имеет решающее значение для психики людей, позволяя создать религию сверхъестественного, то констатация смертности имеет столь же большое значение для гуманистической, материалистической или натуралистической философии. Так, Лукреций, великий материалист и поэт-философ Древнего Рима, в своей поэме «О природе вещей» гораздо больше старался опровергнуть существование будущей жизни, чем окончательно уничтожить богов. Мало того, он сохранил в небе некие далекие области, в которых боги могут по-прежнему вечно наслаждаться, — представление, напоминающее статус, которым пользуется бог в настоящее время у многих современных людей. Но эти отдаленные божества Лукреция не вмешиваются в человеческие дела и тем более не могут касаться человека, которого взяла смерть. Ибо смерть — решительный и полный конец человеческих существ как самосознающих личностей. По мнению Лукреция, смерть — это подлинная смерть. После смерти нечего бояться, потому что тут нет уже ничего страшного, нет даже сознания уничтожения. Для Лукреция уверенность в смертности означала освобождение человека от всех страшных опасений, традиционно связанных с потусторонним существованием. Она означала конец двойно-

го терроризма — священников и богов. Она означала новое мужество во взгляде человечества, новое благородство его шагов и новое достоинство его философии.

Едва ли можно отрицать, что история христианства подтвердила взгляды Лукреция. Церковь в дни своего величайшего расцвета поддерживала господство над массами, прибегая главным образом к пугалу наказания *post mortem* (после смерти). Хотя иногда рука божья и была видна в том, как она разила дурных людей прямо здесь, на земле, самая ужасная часть божьего возмездия откладывалась до потустороннего существования. Именно там громадному большинству человеческого рода дано было испытывать мучения, такие страшные и долгие, что по сравнению с ними бледнели самые ужасные земные страдания. И церковь усиливала естественное отвращение к смерти, выдвигая учение, что смерть есть установленное в мире наказание, которому подлежат все, как добродетельные, так и порочные, вследствие первородного греха, совершенного Адамом.

Будем ли мы говорить прежде всего о страхе и наказаниях, как это было в средние века, или о надежде и вознаграждении, как это делается в основном в последнее столетие, ясно одно: и в том и в другом случае власть бога и очень значительная часть власти церкви в конечном счете зиждутся на представлении о существовании другого мира. А если, например, мы возьмем экономическую сферу, то религиозные церемонии, связанные с усопшими, чрезвычайно обогатили церковь. Это особенно верно в отношении римско-католической и восточной православной церкви, где придается большое значение обедам, молитвам и другим видам богослужения об усопших, умирающих и вообще обо всех, в какой-то мере заинтересованных в своем будущем состоянии.

Начиная с раннего средневековья католическая церковь благодаря одной лишь продаже индульгенций получила громадные суммы от богатых и бедных. Эти индульгенции, даваемые за денежную плату, милостыню и различные виды пожертвований, обеспечивают душе данного человека, душе усопшего родственника или друга избавление от всего предназначенного ей наказания в чистилище или от части его. Именно спор о масштабах и уместности подобной практики был непосредственной причиной протестантского восстания в XVI столетии...

Среднему читателю, каково бы ни было его отношение к идее бессмертия, вполне может показаться, как кажется и мне самому, что проблема будущей жизни уже с первого взгляда достаточно значительна, так что обращение к ее исследованию не нуждается в оправдании. И тем не менее очень многие люди сегодня, несомненно, придерживаются той точки зрения, что рассмотрение вопросов, связанных с

фактом смерти, — пустая трата времени... Один из моих друзей спрашивает: «Почему бы нам, подобно Гёте, не «почтить тайну» и не оставить ее в покое?» Продолжение жизни после смерти, аргументируют далее сторонники подобных взглядов, является одной из таких гипотез, которые по самой своей природе не поддаются окончательному исследованию с помощью человеческого разума. Это возражение может показаться основательным, пока мы не подумаем, что в разряде подобных же гипотез оказываются и такие замечательные предположения, как то, что невидимые феи поливают цветы по ночам, что лунные долины наполнены невидимым веществом и что ангелы помогли французам отбить наступление немцев во время битвы на Марне. Здравая наука и серьезная философия не могут отречься от самих себя перед лицом миллиона и одной фантазии такого рода, которые суеверные люди вечно выдвигают в качестве последнего откровения...

Несомненно, что откровенное и открытое обсуждение вопросов, связанных с вопросом смертности человека, может многих оскорбить. Профессор Шиллер, вероятно, прав, говоря, что на любое упоминание о смерти, кроме самого необходимого, «в приличном обществе наложено табу». Это верно как в отношении Соединенных Штатов Америки, так и в отношении Англии. «Большая часть американцев,— пишет Мэри Остин,— в вопросе об их отношении к смерти и потустороннему существованию гораздо более скрытна и, возможно, более нечестна, чем по отношению к любому другому личному вопросу...».

В связи с подобным положением понятно, почему те, кто серьезно размышлял над проблемой бессмертия, особенно когда их выводы противоречат господствующему мнению, вынуждены зачастую держать про себя свое окончательное суждение. Однако мы не одобряем этой позиции, ибо история интеллектуального прогресса ни о чем не говорит с такой ясностью, как о том, что каждая новая истина должна глубоко ранить чувства тех, кто связал свои эмоциональные, идеологические и экономические интересы с отжившими идеями. Можно с очень большим основанием подозревать, что люди, которые мешают разоблачению религиозных суеверий, касающихся смерти или других вопросов, сознательно или бессознательно являются ходатаями о некоторых таких интересах. «Миссия философии,— утверждает профессор Моррис Р. Коэн,— состоит в том, чтобы нести как мир, так и меч». И ни в одной области это превосходное изречение не применимо больше, чем в области традиционных религиозных теорий, касающихся значения смерти.

НАПОМИНАЕМ ПОДПИСЧИКАМ

В 1966 году издательство «Знание» продолжит выпуск подписных брошюр, выходящих под девизом

«НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ».

14 серий этого цикла: «История», «Философия», «Экономика», «Техника», «Сельское хозяйство», «Литература и искусство», «Международная», «Биология и медицина», «Физика, математика, астрономия», «Молодежная», «Химия», «Естествознание и религия», «Наука о Земле», «Радиоэлектроника и связь» расскажут читателю о самом новом и самом интересном в важнейших областях знаний.

Брошюры написаны популярно и увлекательно. Они предназначены преподавателям вузов, техникумов, средних школ, специалистам с высшим и средним образованием, студентам, школьникам старших классов, агитаторам, лекторам, пропагандистам, а также всем любознательным читателям.

В 1966 году авторами брошюр будут академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, М. Д. Миллионщиков, В. И. Спидин, Д. И. Щербаков, члены-корреспонденты АН СССР А. Г. Аганбегян, В. Л. Гинзбург, М. П. Иовчук, А. М. Прохоров, К. Н. Плотников, академики ВАСХНИЛ П. М. Жуковский, А. Н. Карпенко, Ф. Г. Кириченко, действительные члены АМН СССР А. А. Летавет, В. Д. Тимаков, Л. К. Хоцянов, доктора и кандидаты филологии и искусствоведения Л. Каюмов, А. В. Караганов, Э. С. Кедрина, И. С. Куликова, Л. И. Новикова, писатели С. Антонов, Н. Бочин, Л. Озеров, журналисты, общественные и политические деятели.

Периодичность первых десяти серий — 2 брошюры в месяц, 24 в год.

Подписная цена на одну серию:

на год	— 1 руб. 80 коп.
на полугодие	— 90 коп.
на квартал	— 45 коп.

Последние четыре серии выходят по 1 брошюре в месяц 12 в год.

Подписная цена на одну из этих серий:

на год	— 1 руб. 08 коп.
на полугодие	— 54 коп.
на квартал	— 27 коп.

Подписаться можно на одну или несколько серий без всяких ограничений в отделениях связи и почтамтах, а также у общественных распространителей печати по месту работы.

Индексы серий в каталоге «Союзпечати» на 1966 год с 70064 по 70075 и 70090.